

Томас Вулф и
Алина Бернштейн
писъма

Томас Вулф

**Томас Вулф и Алина
Бернштейн – письма**

«Автор»

2026

Вулф Т.

Томас Вулф и Алина Бернштейн – письма / Т. Вулф — «Автор», 2026

Перед вами переписка американского писателя Томаса Вулфа и Алины Бернштейн, отношения которых были одновременно глубоко личными и творчески значимыми. Эти письма десятилетиями ждали своей публикации, они хранились в архивах и библиотеках, бережно сберегаемые как ценный историколитературный материал. Эпистолярное наследие раскрывает малоизвестные грани личности Вулфа, показывает, как складывались его художественные взгляды и как личные переживания находили отражение в его прозе. Письма также позволяют увидеть эпоху 1930-х годов глазами современников, в них — размышления о литературе, искусстве, а также искренние признания и бытовые детали, создающие живой портрет времени. Это издание станет ценным открытием как для поклонников творчества Вулфа, так и для всех, кто интересуется историей литературы и культурой XX века.

© Вулф Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава первая – идиллические годы (Декабрь 1925 года – Декабрь 1926 года)	7
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алина Бернштейн, Томас Вулф

Томас Вулф и Алина Бернштейн – письма

Предисловие

У нас есть чудесная возможность прочитать увлекательную переписку между одним из самых одаренных писателей Америки и необыкновенной женщиной, которая рискнула полюбить юного, непредсказуемого гения и помогла ему в начале его творческого пути. Нужно сказать, что эта книга результат терпения, настойчивости и тактичности Сюзанны Статман.

В течение сорока лет эти письма оставались в хранилищах Хаутонской библиотеки Гарвардского университета под запретом публикации как со стороны Томаса Вулфа, так и со стороны Алины Бернштейн и ее наследников. Их не опубликовывали не потому, что они содержали какие-то мрачные тайны: их любовная связь послужила сюжетом для романа Вулфа «Паутина и скала» и романа Бернштейна «Путешествие вниз». Были другие, самые разные причины.

Миссис Бернштейн всегда неоднозначно относилась к публичной информации о ее романе с Вулфом. Когда я брал у нее интервью в 1950 году, она дала мне понять, что очень гордится своими отношениями с Вулфом и что эта связь, несмотря на все ее мучительные моменты, стала самым важным опытом в ее жизни. Однако верно и то, что несколькими годами ранее она пригрозила подать иск против издательства «Скрибнерс», если оно опубликует роман Вулфа, в котором она предстанет в качестве узнаваемого персонажа, и намекнула Эдварду Асвеллу, редактору Вулфа в «Харперс», если в посмертном романе Вулфа «Паутина и скала» будет представлено любое неблагоприятное отношение к ней как к вымышленному персонажу. Но ее опасения исчезли, когда книга была опубликована; втайне она была рада своему присутствию в ней.

Так получилось, что когда Эдвард Асвелл стал управляющим наследством Томаса Вулфа, он ограничил доступ к письмам Вулфа, поскольку вынашивал план, что когда-нибудь миссис Бернштейн удастся убедить отредактировать их самостоятельно. Однако миссис Бернштейн наложила свои собственные ограничения на публикацию совсем по другой причине: она считала, что обнародование писем причинит слишком сильную боль членам ее семьи, хотя и позволила Элизабет Ноуэлл напечатать четыре письма Вулфа в своей книге «Письма Томаса Вулфа». Как следствие, в течение всего периода работы над моей критической биографией Вулфа «Окно памяти» мне не разрешали ознакомиться с перепиской Вулфа и Бернштейна, и другие желающие получали отказ.

В 1960-х годах, когда Пол Гитлин стал управляющим наследства Вулфа, он был более либерален в своем отношении к исследователям, чем Асуэлл. Он разрешил Эндрю Тернбуллу ознакомиться с письмами для своей биографии Вулфа. Когда мы с Пашалом Ривзом редактировали «Записные книжки Томаса Вулфа», Гитлин предоставил нам для ознакомления переписку и разрешил использовать в комментариях несколько цитат из писем Вулфа к миссис Бернштейн. Но ограничения все равно оставались. Хотя миссис Бернштейн уже умерла, ее дочь, Эдла Кьюсик, отказала нам в разрешении на цитирование писем матери, потому что, как она сказала мне, это могло расстроить ее тетю, Этель Франкау.

В 1970-е годы сложилось удачное стечение обстоятельств. Одна из аспиранток моего семинара по художественной литературе современного американского Юга, миссис Сюзанна Статман, проявила большой интерес к Алине Бернштейн, ее отношениям с Вулфом и к ее художественным произведениям. Я понял, что миссис Статман, которая показалась мне по

характеру и темпераменту очень похожей на ту Алину Бернштейн, с которой я познакомился много лет назад, была идеальным человеком для редактирования переписки, и предложил ей попробовать выполнить эту задачу в качестве докторской диссертации. Пол Гитлин отнесся к этой идее благосклонно и дал свое разрешение для диссертации, но без гарантии публикации.

Работа была долгой и трудной – тем более для женщины, которая вела насыщенную и сложную жизнь преподавателя колледжа, а дома муж и трое детей. Задача расшифровки обширного сценария Вулфа была достаточно сложной, но хронология писем миссис Бернштейн оказалась еще одной грозной проблемой. Много лет назад, когда бумаги Вулфа находились в ведении Максвелла Перкинса, он, к несчастью, выбрал в качестве биографа Вулфа Джона Терри, бывшего однокурсника Вулфа по колледжу, а затем его коллегу по кафедре английского языка в Нью-Йоркском университете в 1920-х годах. Терри не обладал никакими научными способностями, и за пятнадцать лет, что он носил титул «официального биографа», он ничего не написал и только успел испортить бумаги Вулфа, включая изъятие всех писем Бернштейна из их конвертов с почтовыми штемпелями и общую путаницу в их порядке.

Миссис Статман потребовалось два года, чтобы расшифровать и аннотировать письма и установить их последовательность. Я могу гарантировать точность ее работы, потому что в течение года она приходила ко мне в офис каждый понедельник после обеда, чтобы я мог проверить ее машинопись, мы вместе разбирали трудные отрывки из каракулей Вулфа. Когда ее работа была закончена, у нее была книга, пригодная для публикации.

Однако для того, чтобы пропустить свою работу в печать, человек иногда должен быть не просто ученым, а сочетать в себе Генри Киссинджера и профессора Гарольда Хилла, человека-музыканта, как поняла миссис Статман. После примерно года челночной дипломатии из Филадельфии в Нью-Йорк, ей наконец удалось добиться успеха там, где все остальные потерпели неудачу. Результатом стала эта книга.

Теперь ученым и поклонникам Вулфа доступна история, лежащая в основе «Паутины и скалы» и «Путешествия вниз», в самом полном виде. Мы имеем перед собой, в текстах этих писем, человеческую драму, разыгравшуюся во всем ее накале, историю радости любви и неоспоримых мучений. У этой странно сочетающейся пары были счастливые моменты, в течение которых Вулф писал свои лучшие произведения. Поскольку Алина Бернштейн стала для него словно матерью, было неизбежно, что в конце концов он оторвется от нее в отчаянной борьбе, чтобы разорвать эдипову связь. Однако ей, как музе гения, было приятно и гордо осознавать, что было время, когда она не была материнской фигурой, но была страстно любима и играла роль музы для великого писателя. Даже после их разрыва бывали моменты, когда Вулф понимал, что она научила его любви, он написал ей: «Я буду любить тебя все дни своей жизни, и когда я умру, если меня вскроют, то найдут одно имя, написанное на моем мозгу и на моем сердце. Твое имя».

Ричард Кеннеди

Глава первая – идиллические годы (Декабрь 1925 года – Декабрь 1926 года)

Томас Вулф впервые встретил Алину Бернштейн на борту корабля «Олимпик» в августе 1925 года во время своего возвращения из Европы. Их любовь была глубокой и почти мгновенной, и к октябрю они стали постоянными спутниками. Следующие полтора года были для влюбленных практически идеальными. Кульминацией стала их поездка в Англию, во время которой, после отъезда миссис Бернштейн в Нью-Йорк, он написал большую часть книги, ставшей «Взгляни на дом свой, Ангел». Однако грядущие потрясения были предрешены во многих письмах, написанных Вулфом в этот период. Его горькие и необоснованные обвинения в верности миссис Бернштейн должны были становиться все более резкими по мере продолжения отношений.

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк, осень 1925 года]

Мой дорогой,

Я приехала, но не смогла войти – ты позвонишь мне во время ужина? Цветы прекрасны. Это были единственные [цветы], которые я получила. Я пыталась дозвониться до тебя около 13:30 после того, как пришла со встречи с сестрой [Этель Франкау, жившая с семьей Бернштейнов, была руководителем компании «Бергдорф-Гудманз»]. На протяжении всего времени мисс Франкау была категорически против отношений своей сестры с Вулфом], но ответа не было.

С любовью, Алина

Следующий фрагмент, очевидно, является черновиком первого письма, которое Вулф написал Алине Бернштейн, с которой он познакомился на корабле, возвращаясь в Соединенные Штаты, и которая оказала на него самое большое влияние в течение следующих пяти лет, когда был написан и опубликован «Взгляни на дом свой, Ангел».

Алине Бернштейн

Отель «Альберт»

Нью-Йорк

[Сентябрь 1925 года?]

...сейчас я испытываю глубокое чувство удивления и нереальности. Благодаря тебе я снова попал в Америку; с тех пор мой дух не знает границ, а ощущение величия и способности к безумию этого народа возросло сверх всякой меры.

Я только что вернулся из «Прцветающего Города», [Эшвилл] где все говорят о прогрессе, процветании и предпринимательстве, о 100 000 к 1930 году, о большом и великом Эшвилле. Все богатеют на недвижимость, и в целом наблюдается тенденция хлопать всех по спине и называть всех по имени. Я не знал, к чему все это, и не знаю до сих пор, кроме того, что все это совершенно бесполезно, как и все остальное; но мне было приятно видеть их всех такими счастливыми, и огромная жизненная сила этого города и этой страны очаровывала и завораживала меня.

В течение трех недель я ходил везде, где ходили они, и вникал в их жизнь: я пил их кукурузный виски, участвовал в их вечеринках и был вовлечен в их щедрую фальшь, которая так полна надежды и доброй воли ко всему сущему. Они любят успех, эти люди, или то, что

они считают успехом; они помещают в своих газетах объявления о том, что я был профессором и занимал «кафедру английского языка» в Нью-Йоркском университете.

Я уже не так высокомерен, жесток и не презираю все это, как год назад: Мне кажется, я люблю людей гораздо больше, чем когда-либо прежде...

[фрагмент обрывается на этом месте]

От Алины Бернштейн

Вестпорт, Коннектикут

[У подруги миссис Бернштейн, Лилиан Уодсворт, был дом в Вестпорте, штат Коннектикут]

[декабрь 1925 года]

Мой дорогой,

Сегодня днем мы возвращаемся домой, и я хочу знать, получу ли я от тебя какую-нибудь весточку. Я получила одну телеграмму с тех пор, как ты уехал. Удалось ли тебе найти место для ночлега по дороге домой? Если бы у меня было время, я уверена, что смогла бы заставить их прицепить для тебя дополнительный вагон. С тех пор как ты уехал, было жутко холодно, но ясно и солнечно. Мы все время были на улице, катались на коньках или гуляли, а вчера поехали в Нью-Хейвен, чтобы немного заняться антиквариатом. Я так и не подарила Лилиан свадебный подарок, и мы нашли несколько чудесных старинных серебряных вещиц. Это место – просто мечта, такое красивое и приятное. Я не очень люблю кататься на коньках, но Эдла [дочь миссис Бернштейн] умеет, и она часто катает меня. Каждый вечер я ложусь в постель до десяти, а потом тихонько читаю. Жаль, что ты не смог присутствовать на моем дебюте на сцене. [В декабре 1925 года в театре «Плейхаус» была показана хасидская пьеса «Диббук» – одна из лучших постановок. Возможно, миссис Бернштейн играла в этой пьесе в роли одной из горожанок] Это было грандиозно, ты бы ни за что на свете не узнал меня. На мне был черный парик и облегающее длинное платье, я стояла очень прямо и спокойно, как леди. Мистер Бейкер [Профессор Джордж Пирс Бейкер. Вулф был членом его «Театральной 47-ой Студии» в Гарварде] был в восторге от постановки. Я беседовал с ним во время второго антракта, и все время хотела поговорить о тебе, но не успела. Интересно, работаешь ли ты над другой пьесой. [Скорее всего, «Мэннерхаус», потому что миссис Бернштейн называла его «другой пьесой», ведь именно «Добро пожаловать в наш город» лежала в ее чемодане на корабле, когда она впервые встретила с Вулфом.] А дома у тебя были великолепные обеды? И бывал ли ты на многих вечеринках? Во всяком случае, ты отдохнул от преподавания и других забот и неудовлетворенности. Я постоянно думаю о тебе (самое нелепое выражение)[...]

Алине Бернштейн

[Эшвилл, Северная Каролина]

Понедельник [декабрь 1925 года]

Это единственная бумага, которая сейчас у меня под рукой – она должна мне служить, ибо мое желание написать тебе хоть пару слов сильнее, чем необходимость ждать. [Вулф написал это письмо на бумаге, вырванной из маленького блокнота.]

Пришли твои письма и каблогаммы: они почти запечатлелись в памяти – красные угольки в них пепел моего сердца и надежды.[.] Я вернулся домой в Рождество смерти, обреченности, опустошения, печали, болезни и отчаяния: моя семья проявляет свой обычный и великолепный русский гений тщетности и трагизма.

Двоюродный брат семьи Вулф умер за несколько часов до моего приезда; [По словам Майры Чемпион, бывшего главного библиотекаря Публичной библиотеки «Пэк» в Эшвилле, этим двоюродным братом был Джейкоб Гарри Вулф, сын Уэсли Э. и Мэри Вулф из Эшвилла. Он умер в возрасте тридцати семи лет, холостяком, 25 декабря 1925 года. Уэсли Э. Вулф,

брат Уильяма Оливера, также покинул Пенсильванию и со временем поселился в Эшвилле.] от воспаления легких – он был добросердечным, добродушным и бездуховным пьяницей, заболел в выходной день и умер за четыре дня. Безграничная способность моего рода наваливать на себя все это не может не радовать. Брат [Фред Вулф] встретил меня на вокзале с известием, что еще один член моей проклятой и убитой семьи потерян; что его беспокоит аппендицит, мою мать – сильный бронхиальный насморк, который может перерасти в пневмонию, а моя сестра, [Мейбл Вулф] только что вернувшаяся после прерванного лечения в больнице, больна истерией и сломалась под нервным напряжением подготовки к Рождеству. Затем он пожелал мне счастливого Рождества.

Сегодня моя мать, благодаря хорошему медицинскому обслуживанию и собственной стойкости, кажется практически здоровой; брат, как обычно, крепкий и чертовски нервный, а сестру, впервые способную говорить связно и без слез, увезли в больницу, чтобы она отдохнула. Она истощила себя собственной нервной щедростью – это своего рода одержимость – размышлениями о том, что у нее нет детей, и частыми и незаметными порциями кукурузного виски, кувшин которого всегда стоит в буфете. Последнее никто из нас не признает, но все мы знаем, что это правда. В довершение всего, под согласованное количество семейных похорон в компании давно знакомых родственников, слушая тревожные вскрытия дома и за границей о причинах кончины моего родственника – как он был бодр и здоров в воскресенье, что он сказал, сделал, съел, как старик Уивер или старушка Кэмпбелл или молодой Джек Роджерс были взяты на небо при аналогичных обстоятельствах (мы сегодня здесь, а завтра уйдем; все к лучшему, он счастливее там – где он; мы все помещены сюда с определенной целью; и прочие философские изыски, доказывающие, что кончина пьяницы от виски на самом деле результат благодетельных махинаций Всевышнего); советы, каких людей мне следует посетить, какую еду мне следует есть, в какое время мне следует это делать. Я взорвался, переехал в отель и пропитал свинцовые отходы, покрывающие мою душу, количеством белого сырого жгучего разрушительного кукурузного виски!

Что из этого выйдет, я не знаю – останусь ли я здесь на неделю, на месяц, на год или на всю жизнь. Большую часть своей жизни я очень приятно провел в аду, а оставшуюся часть могу провести очень приятно в большом, комфортабельном, удобном и хорошо оборудованном сумасшедшем доме, который манит меня за сорок миль вниз по горе.

Мои родственники – мать, сестра, шурин [Ральф Уитон] – планировали на этой неделе отправиться во Флориду, но, судя по всему, это отменяется [Семья Вулфа владела значительными земельными владениями во Флориде]. Моя собственная коронная навязчивая идея в настоящее время заключается в том, что я должен уехать в Ричмонд – не знаю для чего, – но я поеду в Ричмонд, ей-богу, если придется идти пешком, мерзнуть, голодать, умолять и убивать.

Погода стоит пронизывающе холодная: упрямыство с головой Януса, которое правит моей безумной судьбой, подвергло меня суровому испытанию в виде льда в тот момент, когда я приехал на Юг. Если я отправлюсь на Север, то только для того, чтобы найти розы.

Если я удивляюсь тому, что ты написала об очищении души, которое принесла тебе связь со мной, то это потому, что это подразумевается мной: если ты чувствуешь себя очищенной, то это очищение пламенем, пытками, адским огнем – ценой огромных усилий. Тот, кто прикоснется ко мне, будет проклят и сгорит огнем. Ты хорошая, прекрасная – настолько верная, насколько тебе позволяет эта горячая жизнь, – но вечно верный и преданный себе и всем остальным на заколдованных островах, где, неведомые этим призракам, наши реальные жизни, наш реальный возраст подчиняются своей прекрасной логике.

Мысль о том, что я могу что-то сделать для тебя – что, как бы я ни был жалок, я в силах запятнать или осудить такого человека, – почти обескураживает меня своей экстравагантностью.

Пиши мне, когда сможешь. Том

По тому же адресу[.]

Зимой 1925-1926 годов Вулф переехал в лофт-квартиру на Восьмой улице, 13, которую миссис Бернштейн использовала в качестве студии. Здесь они проводили часы вместе, рассказывая о детских воспоминаниях и воссоздавая сцены и личности из прошлого. Весной Вулф решил начать работу над автобиографическим романом. Понимая, что в нынешних обстоятельствах он не может приступить к столь важному делу, миссис Бернштейн предложила профинансировать поездку в Европу, как только закончится его преподавательская деятельность. Она продолжала поддерживать его, чтобы он мог оставить работу в университете и трудиться без перерыва, пока не будет готов вернуться домой.

В конце мая Вулф отправился в Бостон. Ненадолго вернувшись в Нью-Йорк, он продолжил путь в Нью-Джерси, Мэриленд и Вирджинию.

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

«Плейхаус»

Понедельник [май 1926 года]

Мой дорогой,

Пока я пишу тебе, «Грант Стейшен Фоллис» [Ежегодное сатирическое ревью, созданное для «Плейхауса» Агнес Морган и Хелен Артур, двумя его директорами, «Фоллис» состояло из нескольких скетчей, пародировавших различные театральные представления предыдущего сезона. Издание пользовалась огромной популярностью. Каждую весну миссис Бернштейн создавала многочисленные костюмы и декорации для ревью.] вынужден немного задержаться. Было приятно получить твое письмо и узнать, где ты. Ты не можешь себе представить, как неприятно, что ты уехал сам не зная куда. Я послала тебе телеграмму и надеюсь, что ты ее получил. Я почувствовала вкус весны: в субботу вечером я ездила к Лириан в Вестпорт, а в воскресенье вернулась домой около четырех часов дня, все было так прекрасно. Мы долго гуляли рано утром в воскресенье, я хотела поделиться с тобой каждым деревом и цветком. Я знаю, что ты скоро вернешься, но это кажется маловероятным, я не могу привыкнуть к тому, что тебя нет рядом. Твое отношение к бостонским легавым обнадеживает [27 мая Вулф отправился в Бостон, чтобы забрать книги, которые он оставил у своего дяди Генри Уэсталла. Он вернулся в Нью-Йорк, чтобы принимать выпускные экзамены в Нью-Йоркском университете. 6 июня он отправился в Эшвилл, предварительно заехав в Нью-Джерси, Мэриленд и Вирджинию], но мне не нравится, что ты говоришь о том, что ты одомашнен. Дорогой, ты никогда не должен быть диким, но, естественно, я люблю быть дикой вместе с тобой. Я бы хотела улететь, как молния, куда-нибудь. Но только не в Бостон. В субботу я отнесла твои книги в библиотеку, а завтра займусь билетом. Ты не представляешь, каково это, работать на 8-й улице без тебя. Сегодня я так пристально смотрел на твой синий костюм [в 1933 году миссис Бернштейн напишет о персонаже Юджине, основанном на Томасе Вулфе, в своем романе «Три синих костюма»], что была уверен, что он встанет и пойдет. Но он не встал, но когда-нибудь встанет, и в нем будет кто-то. Хотя, возможно, ты больше не наденешь его, ведь у тебя уже есть два других. Я знаю, что ты, должно быть, отдыхаешь, надеюсь только, что шаловливый маленький инструктор не перешел тебе дорогу. Пожалуйста, дорогой, держись молодцом и пиши каждый день. Я так хочу увидеть тебя и поговорить с тобой. Мы почти завалены работой, но я прекрасно справляюсь и надеюсь, что у меня будет свободное время для тебя, когда ты приедешь. Дома я ложусь спать рано, в 11:30 или в 12 ночи. Ночью в Вестпорте я легла в 9:30, и действительно много спала, больше, чем обычно. Благослови тебя Господь, мой дорогой, люблю тебя [.]

Алина

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк, 3 июня 1926 года]

Дорогой,

Хочу сказать тебе, что я положила твои деньги в конверт с моим именем и положил конверт в сейф в «Плейхаусе». Там же находится конверт с твоим именем. Квитанцию на твой билет от «Фрэнка Тура Ко» я забыла вложить, [Вулф собирался отплыть в Европу на борту «Беренгарии» 23 июня. Миссис Бернштейн купила ему билет. Вероятно, речь идет о деньгах, которые она отложила на его пребывание в Европе.] он все еще у меня в сумочке. Но для меня большое облегчение, что деньги находятся в надежном для тебя месте[.] Не дай Бог, чтобы что-нибудь случилось, но если это произойдет, Хелен Артур знает, где конверт. Кажется, что прошло гораздо больше времени, чем вчера, когда ты уехал, и к этому добавляется то, что без тебя ужасно. Я постоянно беспокоюсь о том, что ты попала в дикую автомобильную аварию. Ты рассказывал мне такие истории о беспечности твоего спутника. Кроме того, у тебя нет пальто, а здесь очень холодно.

Мы продолжаем работу, но все время пишем и вставляем в спектакль все новые и новые материалы, сегодня ночью казалось, что мы никогда не закончим. Я несколько раз пыталась написать тебе сегодня, но нигде не было тихо. Я пару раз заходила в студию и смотрел на твои старые гольфы и шляпу Дерби, стоящие на одной полке с новой шляпой Ирен. [Ирен Льюиссон. Сестры Льюиссон, Алиса и Ирен, спонсировали «Плейхаус» и входили в его совет директоров. По совпадению, в январе 1925 года Вулф представил свою пьесу «Добро пожаловать в наш город» в «Плейхаус». Ирен Льюиссон одобрила ее, а миссис Бернштейн взяла рукопись с собой в Европу, чтобы получить одобрение Алисы Льюиссон. Поэтому, когда она впервые встретила с Вулфом на борту корабля, у нее была с собой копия его пьесы, которую «Плейхаус» позже отверг]. Сегодня я не заходила на 8-ю улицу, но скоро должна пойти и навести там порядок. Сегодня была райская погода, ясная и очень прохладная. Но все говорят, что я хожу с хмурым лицом. Это старый блокнот, который я купил в Париже в прошлом году, и среди листов я нашла пьесу, которую написала некоторое время назад. Я думала, что она хороша, но сейчас перечитала ее снова, она ужасна. Местами она довольно милая, и в ней есть несколько хороших идей[.] Но мне лучше заняться дизайном и кулинарией. Я думала, что потеряла эту пьесу. Ты бы посмеялся надо мной, если бы когда-нибудь прочел ее, и все же по той или иной причине мне хочется, чтобы ты прочел ее сегодня вечером. Я взяла в постель свою большую книгу стихов и читаю, чтобы лучше сдать следующий экзамен. Я, конечно, провалила последний, и это очень обидно после всей работы, которую ты проделал со мной в этом году. Дорогой, пожалуйста, будь ангелом и не напивайся, а если и будешь пить, то не пей слишком часто. Ты привязан ко мне какой-то ниточкой, и она все время тянет меня к тебе. Посылаю мою любовь к тебе. Алина

Вот что сказала мне сегодня Хелен Артур: «Мужчины предпочитают блондинок, а блондинки [не] так уж и важны.

Алине Бернштейн

Балтимор, Мэриленд

Отель «Эмерсон»

Четверг [3 июня 1926 года]

Дорогая!

Я только что сбежал от моего дикого друга, [Генри Стивенс был другом Вулфа из Эшвилла, который приехал на север, чтобы поступить в Йельскую юридическую школу, которую он окончил. Поведение Стивенса часто было неустойчивым, и он много пил. В 1933 году он покончил жизнь самоубийством. Вулф использовал его в качестве образа для персонажа Роберта Уивера в романах «О Времени и о Реке» и «К-19»] отправив его, несмотря на про-

тесты, в Вашингтон. Мы остановились вчера вечером в Гавр-де-Грейс после обеда в Принстоне и ужина в Филадельфии. Город заполнен Шрайнерами и американскими флагами. Гавр-де-Грейс приятный. Поездка сегодня утром была прекрасной. Деревья Мэриленда роскошны, всегда были такими.

Прибыв сюда, мой друг разыскал старого однокашника по Йельскому университету, адвоката, который отвел нас в свою квартиру, угостил коктейлями и велел своему негру приготовить нам обед. Суп, горох, картофель, телячьи котлеты, помидоры, клубничный коржик, кофе. Очень вкусно! [Вулф и миссис Бернштейн постоянно испытывали чувственный восторг от еды и часто описывали друг другу роскошные блюда.]

Сегодня вечером я отправляюсь в Норфолк на пароходе. Другу нужна была причина, у меня ее не было, и он не мог меня понять. Слава Богу, я один. Вернемся к тому же летнему несчастью и очарованию, когда мне было семнадцать. Клянусь Бахусом, как сверкают развалины, когда на них падают огни карнавала!

Возможно, я встречу с Пьяным Демоном в субботу в Ричмонде, он отчаянно боится [остаться] один, но понимает меня[.]

Дорогая моя, меня не было целый день, а я все еще люблю тебя. Будь всегда такой же! Темперамент (в) верности! [Вулф зачеркнул первую часть этого слова, но не настолько, чтобы миссис Бернштейн не смогла его прочитать.] Том

Передай мне в субботу телеграмму в отель «Джефферсон», Ричмонд, штат Вирджиния.

От Алины Бернштейн

Нью-Йорк

«Плейхаус»

[4 июня 1926 года]

Мой дорогой,

Я получила твое письмо вместе с утренним кофе и рискну предположить, что оно может попасть к тебе в Ричмонд. Письмо так меня обрадовало, что я весь день хожу по воздуху. Оно порадовало меня всем, кроме латинской метки с зачеркнутой приставкой. Но я знаю, что я знаю, и это то, как сильно я люблю тебя и как я твоя внутри себя. Я написала тебе вчера, в Эшвилл, буду телеграфировать завтра. Мы загружаем себя все новыми и новыми делами. Я с облегчением узнала, что ты больше не со своим диким спутником. Ты – мой дикий спутник, и я надеюсь, что так будет всегда. Моя забота о тебе похожа на кубический корень. Он просто множится во всех направлениях. Да благословит тебя Господь[.]

Алина

Я пытаюсь писать это [письмо], когда каждый приходит с вопросами. Хотела бы я быть лучшим писателем.

Алине Бернштейн

Норфолк, Вирджиния

Отель «Саутленд»

Вечер пятницы [4 июня 1926 года]

Моя дорогая,

Я сплю, как ты заметила, «там, где жизнь безопасна», и провел часть дня в серии переговоров, дебатов и отказов с одним из негров-посыльных, который хочет продать мне пинту кукурузного виски, кварту джина и девушку, «которая только начинает это делать» – все по разумной цене.

Я приплыл на корабле сегодня утром в нечестивый час – в семь, то есть в шесть, потому что в Вирджинии нет перехода на летнее время. (Хотя одному Богу известно, почему так!) Моя песня – «пустой, пустой, пустой» («Ты когда-нибудь тосковал?») Я сказочный святой,

Томас Сомневающийся, который в лучшем случае никогда не сомневался, а в худшем всегда обманывался. Когда-нибудь я вернусь и найду здесь не только двери и большие окна, но и розы, цветущие так, какими я их оставил.

Здесь, в этом умирающем городе, мрачной мерзости запустения, я провел лето своей юности восемь лет назад, исхудавший от голода, истощенный любовью, я видел, как уходят корабль и люди, пуговицы, мишура и тесьма. Но мое сердце отбило бешеный ритм; собаки слишком долго воют по мужчинам, которые больше не придут; и много крови утекло под мостом. (Ты тронута, девочка?)

«Вернись, светлый мальчик, каким ты был в дни моей памяти, когда твоя жизнь еще не превратилась в темный столб, а ветер и дождь были музыкальными, и росли цветы».

Я нашел несколько знакомых профессиональных игроков в мяч и провел часть дня, беседуя с ними. Однажды ночью мой демон говорил со мной о тебе, однажды в мои кишки вонзился нож, но для чего вообще нужна ночь? Завтра я еду в Ричмонд, а потом, возможно, домой.

Но Норфолк я покидаю навсегда – пение и золото ушли. [Символическая фраза Вулфа, обозначающая экстатическое счастье, «яблоня, пение и золото». В беллетризованном рассказе миссис Бернштейн об их отношениях «Путешествие вниз» она использует эту фразу в качестве названия второй главы, в которой она рассказывает об их идиллическом пребывании в Англии.] Том

От Алины Бернштейн

Нью-Йорк

Суббота, 20:15 вечера [5 июня 1926 года]

Мой дорогой,

Надеюсь, в Ричмонде или где бы ты ни был, не так холодно. Мы все надели ушанки и красные фланелевые подштанники. Сегодня в девять часов у меня был прием у дантиста, он удаляет нерв из моего больного зуба, это очень неприятно, но по окончании все будет в порядке, и больше ничего не будет болеть. [У Вулфа, и миссис Бернштейн были серьезные и периодические проблемы с зубами.] Я не прекращала работать, но через десять минут пойду домой. Мы с Лиш только что съели фунт вишен, и у нас обоих болит живот [Элис Бир, одна из ассистентов «Плейхауса». Она была сестрой Томаса Бира, биографа Стивена Крейна]. Я не люблю субботы без тебя, [почему-то] именно суббота, твой день, как никакой другой. Ты понимаешь, что уже несколько месяцев мы проводим его вместе? Лилиан просила меня приехать в Вестпорт на этой неделе, но у меня слишком много дел. Том, дорогой, ты должен научиться писать разборчивее. В твоём письме все еще есть слова, которые я не понимаю. Я собираюсь подарить тебе записную книжку этим летом [В Англии миссис Бернштейн купила Тому записную книжку, в которой он начал писать заметки для романа «Взгляни на дом свой, Ангел»]. Я звонила по поводу твоей кухни, но ее не было дома, поэтому я не послал цветы. Милт Гросс [Незначительный драматург и юморист. Его книга «Nize Baby» стала бестселлером 1920-х годов] нарисовал для «Фоллис» прекрасный эскиз о Диббуке. Я думаю, что это один из лучших его эскизов, надеюсь, что девушка, которая его исполняет, сможет его перенести. Мы все сейчас в тревоге, все кажется скучным и ничего никогда не будет закончено. Но все будет закончено, я знаю, и ты вернешься сюда, а я сяду на корабль и уеду в Европу, и мне долгое время не придется ничего проектировать. Моя голова отяжелела и нуждается в отдыхе. Я должна разработать еще 22 костюма, они будут очень плохими, я уверена. Спокойной ночи, дорогой, я напишу снова и скоро, не смотря на эти 22 костюма. Завтра утром я постараюсь остаться в постели. Моя семья снова уехала из города, но горничные дома, я не буду бояться, как это было на прошлой неделе. Я надеюсь найти письмо, когда вернусь домой. Пожалуйста, постарайся помнить, что я добрая и очень люблю тебя. Я совсем не писатель, а твой любящий и преданный друг[.]

Алина

Алине Бернштейн

Ричмонд, Вирджиния

Отель «Джефферсон»

Суббота 5 июня 1926 года

Моя дорогая,

Я приехал из Норфолка сегодня днем и нашел здесь твою телеграмму и письмо, которые меня очень обрадовали, особенно твои слова об одиночестве. Если ты хочешь подбодрить меня, пожалуйста, пиши мне почаще, рассказывая о том, что ты несчастна.

Позволь заверить тебя, что я пока не нашел ни горшка с золотом, ни радуги, те уголки Вирджинии, которые я видел в последние дни, были мокрыми. Ричмонд, к которому мое сердце привязалось с большой любовью, тоскливо пахнет туманом и дождем. Впрочем, «Джефферсон» хороший отель, что на Юге редкость (во Флориде и в Эшвилле наоборот). У меня просторная комната, сверкающая ванна, а после еды, подобной той, что была за обедом: жареная курица, суккоташ, жареные помидоры, кофе и пирог, надеюсь, я начну восстанавливать свое пошатнувшееся здоровье. Мой аппетит, как мне приятно верить, уже разыгрался.

Моя дорогая, поверь, мысль о том, что ты меня любишь, доставляет мне самое огромное удовольствие в жизни. Моя свирепая, тщеславная, эгоистичная натура, вечно жаждущая, погрузилась в покой, которого она никогда не знала, и пробудилось то лучшее, что есть во мне, моя великая способность к верности, если ты простишь мне говорить правду, эта нижняя и постоянная стойкость (единство посреди моих вечных перемен). Ты справедливо протестуешь против моих случайных насмешек над неверностью, но ты бы хотела, чтобы я, который так долго был скептиком, вдруг стал верующим. Собственно говоря, причина, по которой я так громко не верю, заключается в том, что я всегда и во все верил молча; зная теперь, что ничто не стоит такой веры, которая ищет сущности вещей, делая их не ложными, а такими, какими они должны были быть до того, как их испачкали, так что цветы становятся цветущими, музыка – великой, Норфолк – одним из лучших мест земли, а шлюха – расплавленным воском, который деформируется, но не может скрыть очертания первоначальной принцессы. Что остается делать мне, знающему все это и порой ненавидящему себя в душе за то, что я ничему не научился, кроме как продолжать жить в этой могучей тайной вере, а внешне защищаться насмешками? Я готов ко всему, либо возвыситься любовью, либо освятиться вероломством: нужно питаться и медом, и дегтем. Или же, если меня обманут, всегда можно покачать головой, капризно улыбаясь, и перейти к кому-нибудь другому, тем самым создавая у других, как и у себя, убеждение, что это была манера, которой доблестно придерживались и в которую верили, пока она длилась, но теперь легко вытесняется другой, столь же реальной для данного времени, [И все же] кто скажет, что, если все обернется к лучшему, мой экстаз станет поэмой, а если к худшему, из моей боли (после периода зрелых воспоминаний и роста) я напишу книгу?

Я заканчиваю это письмо в воскресенье. Вечером я возвращаюсь домой. Ричмонд, конечно же, провалился. Единственная верность в этом мире, которая имеет значение, потому что это единственная верность, которая может выстоять (если ты проанализируешь это, то увидишь, что это правда), это верность мифу или призраку. А реальность сна не может быть повторно посещена. Я съел слишком много на ужин, и каждый раз, когда я произношу эпиграмму, я отрываю ее на середине, это должно быть смешно в английской пьесе: «Мой дорогой Хилери (отрыжка)».

После обеда я читал Библию и «Хроники» Фруассара [рыцарские хроники Фруассара об Англии, Франции и Испании] о том, как сэр Оливер де Клиссон, констебль Франции, был в конце концов схвачен убийцами в полночь в Париже; как его ударили по голове и повалили с лошади на дверь булочной, проломили ее, вкатились внутрь и тем самым спасли ему жизнь;

как Руфь прижимала свои груди к ступням Вооза, пока старик спал, а он проснулся и женился на ней; и о человеке по имени Бакбаккар.

Полагаю, ты усердно работаешь над этими совершенно убийственными «Фоллис». Я уверен, что ты не часто замечала, как плохая шутка бедного комика о своей жене, или о куске сыра, или о запрете на продажу [спиртного] принимается как плохая шутка, но как плохая шутка о плохой пьесе, или о плохой книге Майкла Арлена, [Популярный писатель того времени. С публикацией своего первого романа «Зеленая шляпа» в 1924 году Арлен мгновенно обрел славу. Его романы представляли высший мир общества] или о плохой постановке Театральной гильдии воспринимается грамотными янки не только как взрывной комизм, но и как тонкая и пронзительная сатира. Как закричат критики! Вулкотт [Александр Вулкотт (1887-1943) был драматическим критиком газеты «Нью-Йорк Уорлд» с 1925 по 1928 год и близким другом миссис Бернштейн. Он был известен своим язвительным остроумием.] со своим надутым языком блудницы «проказливый», «дерзкий», «старый, что кости корреспондента» и так далее, а шестеро из них назовут это «превосходным дурачеством». Что ж, да благословит тебя Бог, и пусть глупцы процветают и множатся, но не надо, моя дорогая, хихикать над своей собственной плохой клоунадой. Давай оставим фальшивый смех как последнюю нечестность тиража «Циферблата» [самый известный литературный журнал 1920-х годов «Циферблат» поддерживал формализм в искусстве и литературе, против которого выступал Вулф] и всех остальных евреев «Phi Beta Карра». [старейшее почётное студенческое общество]

Я не в дурном настроении, это всего лишь моя мягкая грубость.

Я пишу так много, потому что сегодня вечером экспедиция отправляется в пустыню, и, возможно, пройдут месяцы, прежде чем ты снова получишь от меня весточку. До свидания, моя дорогая, да благословит тебя Бог! Надеюсь, что у меня будут новости о тебе, когда я вернусь домой. Домой? Том

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Западная Семьдесят Седьмая улица, 333

[Бланк домашней канцелярии миссис Бернштейн. Она жила в этом просторном особняке с мужем и двумя детьми уже несколько лет]

Понедельник 9 утра [7 июня 1926 года]

Мой дорогой,

Однажды ты сказала мне, что, когда уедешь, все будет как во сне. Это не так, ты реален, ты рядом со мной. Прошлой ночью у меня была бессонница, и я вела с тобой долгие прекрасные беседы. Ты был нежен, а твои волосы завивались, как у ангелов, как я их люблю. Я подумал, что лучше написать тебе сегодня утром, прежде чем отправиться в город. В театре все труднее найти свободное время и уединиться[.] Сейчас все очень суматошно[.] Я получила сегодня твое письмо из Норфолка и ставлю тебе хорошую оценку за то, что ты выдержала уговоры мальчика-посыльного по всем пунктам. Надеюсь, они сохранили телеграмму и письмо, которые я послала тебе в субботу в Ричмонд. Вероятно, ты добрался туда только в воскресенье. Когда мы снова будем вместе, я смогу заставить тебя понять это. Я полностью твоя, душой и телом.

В пятницу я заплатила за квартиру до 1 июля[.] Не думаю, что смогу выдержать содержание этого помещения в следующем году, хотя это прекрасная рабочая комната. Я постараюсь работать дома или в театре, или Бог знает где. Завтра я должна постараться выкроить время, чтобы заняться загранпаспортами. Я рассчитываю провести значительную часть отпуска, работая над твоим почерком. Как ты думаешь, я смогу тебя переучить? У нас будет полчаса каждое утро, скажем, с 8 до 8:30 или около того, а с 8:30 до девяти ты сможешь поквитаться со мной за поэтические тесты. Погода была невыразимо холодной и дождливой. Ты был бы несчастен, я надеюсь, что у тебя хотя бы светит солнце. Я уже два дня хожу на работу в свитере. Надеюсь,

что в этот раз у тебя дома все будет лучше, и ты сможешь сохранять немного больше спокойствия. Пожалуйста, не пей много кукурузного виски. У сестры [Мейбл Уитон] тебя ждет целая гора писем [В мае Вулф написал сестре письмо, в котором спрашивал, сможет ли она приютить его, если он вернется домой в июне]. Надеюсь, она не будет встревожена. Надеюсь, ты все еще любишь меня, я люблю тебя – Алина.

23 июня 1926 года, Вулф отплыл в Европу на борту «Беренгарии». Незадолго до этого, миссис Бернштейн уехала по делам, и они воссоединились в Париже. Оказавшись в Париже, Вулф начал работать над автобиографическим очерком, который должен был стать романом «Взгляни на дом свой, Ангел». В течение шести недель он путешествовал с миссис Бернштейн по Франции и Англии. В Англии миссис Бернштейн работала над постановкой «Диббука» в Манчестере. Отсюда они на две недели отправились в Илкли, где Вулф продолжил работу над своим романом. После короткой поездки в Глазго, миссис Бернштейн отплыла в Нью-Йорк 19 августа, вместе с Терезой Хелберн, а Вулф поселился в Челси, где начал лихорадочно работать над своим романом. Он сделал перерыв только на десятидневный отпуск в Брюсселе в середине сентября и впервые побывал в Германии в декабре, а 18 декабря 1926 года, отплыл домой.

От Алин Бернштейн

На борту судна «Маджестик»

[Миссис Бернштейн отплыла на теплоходе «Маджестик» 19 августа и прибыла в Нью-Йорк 25 августа]

Воскресенье [22 августа 1926 года]

Мой дорогой,

Сегодня утром я слонялась по радиоузелу в надежде получить от тебя весточку. Мы покинули Шербур в четверг, в 9:30 вечера, было очень тяжело, так плохо, что около двух часов я не могла ничего делать. Я чувствовала себя больной и очень слабой, и твоя радиограмма стала последним штрихом. Терри была для меня ангелом. [Тереза Хелберн была одним из директоров Театральной гильдии и одной из самых близких подруг миссис Бернштейн] Я спускаюсь в свою каюту, я вся извелась, бедняжка [Терри], у нее плохой попутчик, если говорить о компании. Я стараюсь думать о тебе на работе, но могу думать о тебе в других местах. Я вижу тебя снова и снова, как поезд, отъезжающий от станции. У меня все болит, потому что я не могу быть рядом с тобой, потому что я знаю, что ты чувствуешь. Ты любишь меня и скучаешь по мне, у тебя возникают эти ужасные мысли обо мне, а я ничего не могу сделать, находясь вдали... Я продолжу [письмо] завтра. От качки у меня сильно болит голова.

Понедельник

Это первый по-настоящему хороший день, я встала рано и попыталась сделать кое-какую работу, но ничего не вышло. Это будет разочарованием для Агнес[.] [Агнес Морган входила в совет директоров «Плейхауса» и была близкой подругой миссис Бернштейн]. Я боюсь, что подведу ее, если только завтра меня не посетит вдохновение, в чем я сомневаюсь. Не могу смотреть ей в глаза, после всех моих обещаний.

В день моего отъезда ты сказал, чтобы я помнила тебя только то, за что люблю тебя. Пожалуйста, дорогой, сделай то же самое для меня. Ради всего святого, не настраивай свое воображение против меня. Это несправедливо. Я не могу постоять за себя. С тех пор как я покинула тебя, не проходит и часа моего бодрствования, чтобы ты не присутствовал в моем сознании. Хотела бы я иметь какой-нибудь прибор, вроде бегущей строки, который мог бы общаться с тобой. Корабль упакован, и я почти схожу с ума от нервозности. Слава богу, осталось только два дня. Терри оставалась со мной в комнате во время некоторых приемов пищи, когда я не могла выйти в столовую. Она передает тебе привет и мечтает, чтобы ты был здесь.

Ты бы поверил в это, если бы увидел, в каком я состоянии. В другой раз я напишу тебе обо всех знаменитостях на борту.

Если к завтрашнему дню у меня не будет идей, я отправлюсь домой и найду другого дизайнера... Может быть, я больше не смогу заниматься дизайном и стану уборщицей. Я приеду, устроюсь на работу в Англии и буду каждый день убирать твою комнату. Большую часть времени я вижу тебя так ясно, что почти могу взять тебя за руку. Спокойной ночи, дорогой. Храни тебя Господь[.] Алина

Алине Бернштейн

Челси, Лондон

Воскресное утро, 1 час ночи, 22 августа 1926 года

Моя дорогая,

Когда я пишу это, [письмо] я знаю, что ты где-то там, в бескрайних и волнующихся водах, и, поскольку время летит быстрее, чем твой корабль, ты на два-три часа ближе к утру, чем я. Здесь звездная ночь и великолепный лунный свет. Я только что вернулся с прогулки вдоль Темзы в Челси – там, где Уистлер любил ее рисовать. Я увидел мост, весь увешанный огнями, и понял, что это его мост. Там, где ты находишься – уже, я полагаю, за краем мира, как путник, исчезающий за холмом, так что если бы я мог видеть на 1500 миль вперед, ты бы потерялась – надеюсь, там есть лунный свет, звезды, и что ты ориентируешься по ним.

Сегодня утром я обнаружил твою телеграмму в «Американ Экспресс»; я немедленно отправился к Маркони на Стрэнд и ответил, он заверил меня, что ты получишь ответ в течение двух-трех часов. После этого я вернулся в «Кавендиш», собрал вещи, пообедал и приехал в Челси, где вчера снял две комнаты. Я оставил Розы Льюис, [Розы Льюис – молодая, пылкая и очаровательная, была владелицей отеля «Кавендиш», где остановился Вулф, и потрясающей поварихой. Ее история хорошо известна благодаря беллетризованной обработке в телесериале ВВС «Герцогиня с Дюк-стрит»] по-прежнему бесцельно забрасывая меня приглашениями поехать с ней в деревню.

В четверг я ничего не нашел, но вчера утром приехал сюда и провел пять или шесть часов, осматривая это место. Это одно из самых очаровательных мест в Лондоне: я нашел много комнат и две квартиры, которые можно было покидать на любой срок, в одной из трех была прекрасная большая длинная комната, спальня, ванна и довольно большая кухня, прекрасно укомплектованная фарфором, за 2,5 гинеи в неделю. Все было обставлено, но мне пришлось бы платить за газ и электричество, а также нанимать женщину на пару часов в день, 9 долларов в час, чтобы она убиралась и готовила завтрак.

Моя врожденная любовь к заведениям так велика, что я могу это сделать.

Я считаю, что на данный момент у меня прекрасное расположение, я занимаю две комнаты (весь первый этаж) в доме на Веллингтон-Сквер. Все очень чисто и хорошо обставлено: Я плачу 45 шиллингов в неделю, обслуживание включено. Завтрак оплачивается дополнительно.

Я хожу в театр каждый вечер с тех пор, как ты уехала. После того как ушел твой поезд, я поднялся и посмотрел «Неужели это так?» Я видел его в Нью-Йорке, но решил, что разговоры о янки снова пойдут мне на пользу. Сегодня был последний вечер «Они знали, чего хотели»; я пошел, понимая, что это мой последний шанс увидеть получившего приз «Объединенного Левиафана». Кроме того, ты сказала мне, что это захватывающе. Я мог догадаться, что ты лжешь[.]

Не могу сказать, что чувствую себя хорошо, пока есть ощущение нереальности происходящего, но я справлюсь. Ночь или две мне снились тревожные сны; я только боялся повторения того ужасного прошлого, когда я был в отъезде, когда мой сон был населен монстрами; когда я видел сны и знал, что сплю, с моим разумом, рационально опирающимся на свое собственное безумие. Тогда мне чаще всего снились путешествия; в темной, но видимой вселен-

ной, под светом, который никогда не падал ни на сушу, ни на океан, я пересекал призрачные и пустынные моря, одинокий пассажир призрачных кораблей; и всегда под водой раздавался далекий звук рога, а на американском берегу, как бы далеко он ни был, слышались ровные, но призрачные голоса друзей, которые у меня были, и врагов; Вечно возвышался Нью-Йорк со всем своим призрачным и бесшумным карнавалом звуков и движений, как бесплотный фантом, и мой неведомый дом, которого у меня никогда не было, но очертания которого были мне хорошо знакомы; И так я прошел, не теряя времени, через всю ужасную жизненность этого странного мира, где все шумит, но является призраком звука, где все формы и лица являются призраками людей, достаточно близких, чтобы прикоснуться, но невообразимо далеких, пока, вернувшись в агонии из места, которое я искал, снова путешествуя по призрачному морю, под неземным светом, я не проснулся с рукой на горле, чтобы воскликнуть: «Я достаточно путешествовал. Я больше не буду[.]».

Я заканчиваю это [письмо] в воскресенье. Еще один прекрасный день, ты находишься на расстоянии 300 миль. Сегодня утром я снова гулял у реки. Изгиб, прекрасные пролеты мостов, Бэйсуотерский парк и дома вдоль Чейн-Роу подняли мне настроение. Обслуживание здесь было великолепным, отец толстой леди, сердечный старик, принес мне чай. Я встал до девяти и позавтракал на снежной скатерти в своей комнате.

Не буду затягивать, поверь, я ни разу не напился; я выпил одно виски, меньше, чем когда мы были вместе. Кроме того, я получил четыре письма. На следующий день после твоего отъезда я получил весточку от Карлтона [Генри Фиск Карлтон, один из членов «47-ой Студии», преподавал вместе с Вулфом английский язык в Нью-Йоркском университете с 1925 по 1928 год] и моей матери. Его письмо, конечно, было бодрым, а в письме матери больше голосов из могилы, о возвращении домой моего очаровательного старшего брата по имени Фрэнк, которого только что увезли в больницу для лечения от виски и барбитала [Барбитал, использовался как снотворное средство]. Разумеется, есть и мучительный плач по поводу больничного счета, деньги и страдания смешались в своей обычной грязной выгребной яме.

В этой моей прекрасной гостиной есть полки для книг, уже набралось 75 или 100 томов, глубокое мягкое кресло для чтения, большой стол для еды и письма, шкаф для чайных принадлежностей: в моей спальне еще больше книг и еще больше шкафов. Все, что мне нужно, это чтобы кто-нибудь меня навестил.

Надеюсь, ты справляешься со своими замыслами для пьесы [«Укротитель львов», сатирическая басня Альфреда Савуара, открылась в «Плейхаусе» 8 октября 1926 года. Миссис Бернштейн создала декорации и костюмы. Эта пьеса стала одним из триумфов «Плейхауса»]. Я знаю, что ты справишься, потому что, несмотря на все, что ты говоришь, у тебя есть время для всего. Напиши мне, как только получишь это письмо, и сообщи, какие есть новости.

Сейчас я не могу писать хорошо. Так много вещей ушло, так много вещей должно уйти, которые мы считаем долговечными, три тысячи миль по воде, и все эти шумы и огни, местное зарево славы и беспорядка, которого там, кажется, так много. На фоне всего этого я буду звучать все слабее и слабее, и теперь, в одиночестве, я действительно уверен, что мое очарование не настолько заметно, чтобы его нельзя было улучшить, я прекрасно знаю, что вокруг есть более привлекательные личности; хотя иногда мне казалось, что я заслуживал немного большего от твоих друзей, от мисс Льюиссон и других, чем то доброе покровительство, которым было проникнуто их отношение ко мне. Возможно, именно это ты имеешь в виду, когда говоришь, что никто, кроме тебя, никогда не узнает, какой я замечательный; или что имела в виду Терри, когда сказала, что Дэй «боготворит меня» [Фредерик Дэй был другом Вулфа в 47-й Студии]. Но, возможно, он и еще несколько человек дали мне в прошлом убеждение несколько более объективное, не польщенное исключительно личными чувствами.

Что ж, я должен снова вывернуть свои внутренности наизнанку – на этот раз, надеюсь, успешно – возможно, это что-то вроде начала или конца для меня. Моя жизнь становится

болезненной и неполноценной из-за отсутствия слуха. Но я не буду слишком болен, чтобы исцелить себя.

До свидания. Скоро я напишу тебе снова. В последние дни ты часто и много плакала, во мне больше мудрости, чем ты думаешь; я уже однажды проходил через эту изгородь. Я знаю, что мир, в котором нет веры, не так уж плох. Да благословит тебя Господь, моя дорогая.

Утро понедельника

Я пишу это [письмо]. Я не унываю. Мне хочется работать. Еще через два дня ты будешь в Нью-Йорке. Удачи тебе, дорогая, в твоих проектах. Помни обо мне немного.

Алине Бернштейн

[Лондон]

Четверг, 26 августа [1926 года]

Моя дорогая,

Я пишу это [письмо] ночью, но отправлю только завтра, когда получу твой ответ на телеграмму, которую я послал сегодня днем. Я получил твою телеграмму в два часа дня, когда ходил в «Америкэн Экспресс»; она озадачила и огорчила меня до крайности. Твое послание гласило: «Прибыла в большой отпуск». Я не мог понять, что значит «отпуск», я не знал, уезжаешь ли ты, или, что мне казалось вероятным, просишь меня уехать. Но если ты просила меня вернуться сейчас, то почему не сказала «Приезжай!» Надеюсь, завтра я узнаю об этом больше.

Если мне необходимо вернуться сейчас, ты можешь быть уверена, что я приеду. Кроме того, я не могу работать, если чувствую, что ты испытываешь острую, непреодолимую душевную или физическую боль. Не знаю, какие образы моей буйной жизни сложились у тебя с тех пор, как ты уехала, какими пьяными и развратными выходками я занимался[.] Ну что ж, вот письмо: по утрам я больше читаю и пишу; днем совершаю огромные прогулки, проходя огромные участки Ист-Энда, Майл-Энд-Роуд, Уайт-Чепел, вчера я дошел пешком до Хэмпстед-Хита. Я возвращаюсь домой в семь или семь тридцать, принимаю ванну, сажусь на автобус до Пикадилли и Сохо, затем ужинаю. Позже я прохожу еще несколько миль при лунном свете. Потом возвращаюсь домой, немного пишу и ложусь спать. Старик приносит мне чай в 8:15 утра и газету; к девяти я выбрит, одет и сижу за столом в собственной гостиной. Я понимаю, что этим последним штрихом порчу свою историю, но, да поможет мне Бог, это правда!

А теперь, моя дорогая, внимательно послушай то, что я собираюсь тебе сказать. Я всеми силами старалась не думать об одиночестве. В настоящее время регулярность, с которой проходит моя жизнь, является неоценимым преимуществом. С тех пор как ты уехала, я твержу себе, что сделаю то, ради чего приехал, и вернусь домой. Я хочу это сделать. набросок закончен. Думаю, с моей нынешней энергией я смогу дописать за два с половиной месяца. Я готов, я чувствую, что могу работать по несколько часов в день. Я страстно желаю, чтобы в этот период моей жизни я не отбросил полностью свою работу: иногда мне кажется, что мы раз за разом наносим ей жестокие удары. Я удивляюсь, почему, когда есть все остальное, мы не можем не вредить ей, а способствовать ей. В сегодняшнем послании было что-то такое упреждающее. Даже при цене в шиллинг за слово мне показалось, что ты могла бы быть немного более откровенна. На мгновение мне показалось, что это не совсем игра, мне вдруг показалось, что моя жизнь превратилась в нечто, что можно разбросать по импульсу желания... Послушай, моя дорогая, я не уклоняюсь; поверь мне, когда я говорю тебе, что никогда ты не получала так полно то, что я могу дать в виде преданности и привязанности; только во мне выросла некая стойкость, рожденная, как мне казалось, необходимостью, которая сделала меня готовым ждать. Похоже, ты не готова.

Алине Бернштейн

[27 августа 1926 года]

Я заканчиваю это [письмо] в пятницу днем[.] Сегодня я получил твое ответное письмо; после тяжелой ночи и дня оно принесло мне значительное облегчение. Повторяю, мне стало легче. Ибо я из тех искаженных натур, которые совершенно не могут смириться, узнав, что ты постоянно страдаешь от боли в животе или от зубной боли, но мгновенно успокаиваются, услышав, что это всего лишь душевная боль[.] Душевная боль, это тот универсальный сострадательный недуг, с которым сталкиваются женщины как раз в тот момент, когда они находят себе место. Впереди, я полагаю, новый сезон в Нью-Йорке. Как я уже говорил тебе в другом письме, между нами слишком много воды, мой приемник вещания работает не так далеко; кроме того, я сильно запутался во времени, ты на шесть часов раньше, а не на шесть часов позже. Это, конечно, полностью уничтожает всякую надежду на то, что я могу появиться внезапно, как дух, чтобы дать предупреждение или оставить проклятие, мне всегда придется продолжать готовиться к твоим полуденным приключениям в шесть часов вечера, а чтобы встретить твои полуночные часы, я должен буду не спать всю ночь. Полагаю, я могу с некоторой стойкостью ожидать, что меня обманут на той стороне Атлантики, пока я буду спать в своей постели на этой стороне, и осознаю твою измену только тогда, когда проснусь и обнаружу у себя рога, как у горного козла. Ты не должна возражать, это всего лишь моя маленькая шутка.

Я не хотел, чтобы твое сердце болело, моя дорогая, скорее, чтобы оно не забывало[.] Возможно, твои чувства в последние недели были слишком яркими, Патер называет это «рекогносцировочным избытком», чтобы их хватило надолго. Я не знаю. Но я держусь за него как за последнее и лучшее, что у меня есть, чтобы продолжать жить; за то, что мне достаточно дорого, чтобы верить в это. Я не хочу видеть цвет твоей крови. Я хочу видеть цвет твоей веры и стойкости.

Да благословит тебя Господь, моя дорогая. Я буду писать очень часто, иногда каждый день. Как хочешь, а пока прощай. Том.

P.S. Я читаю «Кармину» Катуллы. Вот одна (к Лесбии), которую ты, возможно, сможешь подобрать[:]

.... nox est perpetua una dormienda, da mi basia mille, deinde centum, dein mille altera, dein secunda centum, deinde usque altera mille, deinde centum, dein—etc etc etc. [Катулл, поэт I века до н. э. Цитата Вулфа взята из пятой строфы «Кармины». В переводе вся строфа звучит так:

*Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
Пусть ворчат старики, – что нам их ропот?
За него не дадим монетки медной!
Пусть восходят и вновь заходят звезды, —
Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню,
И до тысячи вновь и снова до ста,
А когда мы дойдем до многих тысяч,
Перепутаем счет, чтоб мы не знали,
Чтобы сглазить не мог нас злой завистник,
Зная, сколько с тобой мы целовались.*

Перевод Сергея Шивринского]

От Алины Бернштейн

Нью-Йорк

Четверг, 2 сентября 1926 года

Дорогой,

Я написала тебе сегодня, когда вышла из театра, а через полчаса после этого была дома и нашла твое письмо, которое ты действительно держал в своих дорогих руках. Сразу после ужина я поднялась к себе и легла в постель, чтобы побыть с тобой наедине. Весь день мне ужасно хотелось пообщаться с тобой, поэтому я послал телеграмму. На корабле не было луны, а если и была, то я ее не видела. Я рада, что ты хорошо устроился, для меня такое облегчение, что ты в приличном чистом месте, но твой рассказ о квартире с маленькой кухней просто сводит меня с ума. Сегодня я обедала в рыбном ресторане на Восьмой улице. Мне нужно было сделать кое-какие покупки в «Уонамейкерс». Все официанты поприветствовали меня, и владелец тоже. Один из официантов сказал, что очень грустно видеть меня одну, и спросил, не ушел ли ты и не оставил ли меня. Это было ужасно, я могла бы это предугадать, я была так глупа, что пошла туда, и, конечно, не смогла проглотить ни кусочка. Я больше никогда туда не пойду, если только ты не будешь со мной. Я бы хотела, чтобы ты любил меня. Том, дорогой, чтобы ты ни пережил в прошлом году за то время, что было до этого, я переживаю то же самое сейчас [Во время поездки Вулфа в Европу в 1925 году он влюбился в женщину по имени Хелен Хардинг, которая не ответила на его любовь]. Ты хотел быть любимым. Теперь ты любишь, и, боюсь, больше, чем когда-либо хотел. В твоём письме нет ни слова о том, что ты хотели бы увидеть меня снова. Ты был, что называется, объективен. Я знаю, что даже при самом сильном чувстве ко мне часть твоего сознания смотрела в будущее, в котором меня не было. Я снова и снова констатирую факты, пытаюсь привести свой разум в порядок. Но когда факты или здравый смысл когда-либо оказывались лучше подобных вещей. Ты, молодой человек, я женщина средних лет, но это не дает мне ни легкости, ни смелости. Ты говоришь, что у меня есть место для всего, но сейчас у меня нет места ни для чего, кроме тебя. На этой неделе я справилась с работой, во многом благодаря Агнес. Это очень плохо, и все разочарованы. По возвращении мне пришлось несладко с Алисой и Ирен, я отказалась участвовать в следующей новой постановке[.] Они несправедливо обвинили меня в том, что в прошлом году я проталкивал свой собственный отдел, имея в виду, разумеется, мою собственную работу, и покрыла себя излишней славой. Я чувствовала себя подавленной и обиженной на жизнь в целом, поэтому я набросилась на них с дубиной, и мы все отправились домой с разбитыми головами, более или менее. Хелен и Агнес горячо встали на мою сторону. С тех пор я их не видела, занимаясь своей работой с Агнес и техническим персоналом. Уинтроп Эймс [продюсер Бродвея] прислал за мной вчера, я взялась за небольшую неинтересную работу для него, в надежде на то, что потом будет лучше. Надеюсь, я смогу выполнить ее достойно. Моя бедная голова совершенно не соображает. Я просто обязана приступить к работе завтра, иначе придется все бросить. Другая моя работа, связанная с дизайном одежды, приостановлена из-за всеобщей забастовки портных и работников. Она длится уже восемь недель и пока не похоже, что скоро будет урегулирована. Но долго это продолжаться не может, мужчины и их семьи голодают и хотят вернуться обратно. Им очень хорошо платят, они работают в лучших условиях, получая от 60 до 95 долларов в неделю, легкий график работы и безупречные рабочие комнаты. Все делается, но волшебная вещь, которая все уладит, какой бы она ни была, я не хочу возвращаться к ним на некоторое время, вот что я тебе скажу. Я хочу вернуться к тебе, если ты согласишься, или, может быть, ты вернешься ко мне. Понимаешь, если бы я думала, что есть хоть какой-то шанс на это, я бы могла жить дальше. Я бы приехала к тебе прямо сейчас, но я никак не могу справиться с этим, только в конце года. Возможно, ты успеешь написать достаточно, если будешь очень много работать, и сможешь вернуться. Я рада, что ты получила весточку от Карлтона и мамы. Думаю, лучше получить весточку из дома, чем нет, даже если новости не очень хорошие. Не обращай внимания на их жалобы, мы напишем книгу и без них. Мне так хочется делать для тебя все полезные вещи, готовить, стирать, убирать (и гладить)[.] У меня больше нет ни сил, ни гордости, нет ничего, чего бы я не сделала, чтобы снова оказаться с тобой в одном месте[.] Доро-

гой, ответь мне на это [письмо] своей любящей добротой, как ты часто подходил ко мне после бурных событий. Или я прошу слишком многого, больше, чем ты хочешь. Челси прекрасен, мы должны были бы жить там вместе. Это волшебный район. Сегодня в театре я взяла старый экземпляр «Вог» (1915). Как ни странно, в нем были фотографии дома Уистлера, внутри и снаружи. Там была фотография его комнаты для рисования, два больших окна от пола до потолка, около 5-6 футов шириной каждое. Я никогда не говорила, что «Они знали, чего хотели» была захватывающей. Я сказал, что первый акт был интересным и довольно захватывающим, но все остальное было неправдоподобным и никуда не годилось. Еще один случай, когда ты неправильно меня цитируешь. Но я все равно тебя люблю. С тех пор как я вернулась домой, я не была в театре, фактически я только один раз сходила вечером после ужина, с Эдлой, чтобы посмотреть новый фильм под названием «Варьете». Местами хорошо, местами очень хорошо. Я читаю каждый вечер. Я купила экземпляр Платона в «Эвримэн» и читаю «Диалоги». Также книгу Честертона, которую я раньше не видела, еще одну об отце Брауне и немного Вальтера Скотта. Мне снова нравятся нью-йоркские газеты, новости кажутся мне более понятными, чем в английских газетах, это просто одна из тех глупых вещей, которые я не могу объяснить, но ты поймешь. Интересно, ты когда-нибудь чистил свой серый костюм? Пожалуйста, почисти. Чтобы ты ни делал, пожалуйста, пришли мне телеграмму в свой день рождения. Элис Бейкер [подруга миссис Бернштейн] только что позвонила мне, что она собирается взять нашу квартиру на Восьмой улице, чтобы жить в ней, и хочет, чтобы я использовала ее для работы в дневное время. Я не смогу зайти туда снова, чтобы спасти свою жизнь. Я не понимаю, как она сможет там жить, если только там не будет сделано много чего интересного. Я попросила принести в мою комнату большое фиолетовое кресло, чтобы никто не мог в нем сидеть. Я постараюсь работать дома, хотя сейчас здесь плохое освещение, так как за нами возвышается здание. Вся задняя часть дома теперь неприветлива. Семья хотела уехать, но я уговорил их остаться еще на сезон. Ты знаешь, что твои книги так и не пришли из Бостона. Конечно, я храню все вещи, которые вы оставили мне. Я видела, как все убирали в погреб перед отплытием. Благослови тебя Господь, мой дорогой. Держи себя в порядке. Пиши, когда можешь, пиши, что чувствуешь, даже если это не то, что я хочу услышать. Я думала, что я самая сильная женщина в мире.

С любовью, Алина

Я только что еще раз перечитала твое письмо. Нет никого лучше и привлекательнее, никого, кто бы приблизился к тебе на расстояние мили. Я не могу объяснить глупость моих друзей из «Плейхауса». Я знаю, что Терри кое-что понимает в твоих качествах и очень верит в тебя как в писателя. Что касается меня, то я ставлю все на твои заслуги. Кроме того, что я люблю тебя, я знаю, что скоро тебя сделает счастливой и другая вещь, которую ты всегда соединял с желанием быть любимым, успех в писательстве. Сейчас уже утро. Вчера вечером я закончила вторую часть своего письма. Ты сказал, что пришьешь мне свой набросок, когда закончишь его. Поцелую ли я тебя когда-нибудь еще раз добрым утром? Если ты будешь...

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Воскресенье, 5 сентября [1926 года]

Мой дорогой,

Это первый день, когда я действительно смогла заняться работой. Прошлую ночь я провел в Плезантвилле с компанией Морган-Артур. Сегодня утром я встала около 8:30 и переделал все костюмы для «Le Dompteur», [«Укротитель львов»] к моему большому облегчению. Первая партия была ужасной. Я непрерывно работала с 9:30 до 18:00, даже не прерываясь на обед. Около трех Лиш сварила для меня кофе, и я выпил две чашки. Поужинала в маленьком домике сестры, за мной приехала машина, и вот я дома, 10 часов вечера. Мой сын Тед [Теодор Бернштейн младший] приехал со мной, все остальные еще в деревне, на Дне труда. Завтра в 11

утра у меня назначена встреча с мистером Эймсом и Уинифред Ленихан. [актриса, директор и автор пьес] Весь день льет дождь, так жаль, что у всех последний праздник. Я так рада, что смогла поработать, и так рада, что сегодня вечером я снова одна в своей комнате и могу писать тебе. В Плезантвиле хорошо, но мои хозяйки были так внимательны, я не могу писать, пока не останусь одна. У меня с собой два твоих письма, я перечитала их оба сегодня утром, прежде чем встать. Надеюсь, что еще одно уже в пути. Ты говоришь, что не хочешь, чтобы мое сердце болело, хочешь, чтобы оно было верным[.] Оно верное, и оно болит. Временами меня одолевает мысль, что ты ушел от меня навсегда. Я хочу взывать к тебе, но как я могу? Знаешь, сегодня ночью у меня было сильное желание позвонить по твоему старому номеру 4961. Но я этого не сделала. Том, дорогой, ты думаешь, я совсем спятила? Я каждый день заряжаюсь любовью к тебе, я должна написать хоть что-то. Я боюсь, что когда-нибудь одно из этих писем придет к тебе, а ты не захочешь его получать. Интересно, пытаешься ли ты вообще освободиться? Ты говорил мне, что когда-нибудь «вырвешься». Я смертельно холодею при этой мысли, так боюсь, что ты будешь слишком одинок, чтобы выдержать это. Если так, то, ради всего святого, не будь слишком гордым, чтобы вернуться. Мы найдем для тебя какое-нибудь тихое место, где ты сможешь работать. Но, конечно, ничто не подойдет тебе так хорошо, как Лондон, и, возможно, ты не будешь так сильно скучать по мне. Я хочу спросить тебя кое о чем, возможно, тебе будет неприятно отвечать. Как ты думаешь, захочешь ли ты когда-нибудь снова быть со мной? Если бы я считала, что ты когда-нибудь захочешь, я могла бы запастись терпением. Если же нет, то я не знаю. Полагаю, люди уже переживали подобные вещи. Когда я говорю «терпение», я имею в виду, что могу спокойно ждать и стараться не выть так громко, чтобы не раздражать тебя. Моя верность тебе будет длиться вечно, телом и душой. У меня очень болят глаза от того, что я весь день рисовала. Я больше не могу писать. Закончу завтра, уже почти полночь. Моя старая сиделка, Маргарет Скотт, живет в доме, и она собирается сделать мне спиртовое растирание. Я очень нервничаю, это поможет мне успокоиться.

От Алины Бернштейн

Вторник, 7 сентября 1926 года

Мой дорогой,

Вчера я провела несколько часов за работой в Эймсе, а около 5:30 отправилась в деревню, чтобы вызвать семью. Шел проливной дождь, мы заехали в Уайт-Плейнс пообедать, а по дороге домой попали под такси. Машина была сильно разбита, но никто не пострадал, я получила сильную шишку на лице, а Эдла ушибла руку, но ничего серьезного. Сегодня мы в порядке, но я не смогла писать, когда вернулась домой, была слишком сильно потрясена. Сегодня я с утра ходила по магазинам, а после обеда повезла Ленихан заказывать костюмы. Это очень плохая пьеса Филиппа Барри, [Пьеса Филиппа Барри «Белые крылья» в четырех действиях была поставлена в театре Бута 16 октября 1926 года и продолжалась двадцать семь представлений] достаточно материала для одного акта, но нанизанного на глупый лад. Мистер Эймс считает, что она пойдет, но я так не думаю. Никогда еще ничто не интересовало меня так мало. Сейчас только 8:10 вечера, а я уже в своей постели. Весь день я с нетерпением жду того времени, когда мне больше не нужно будет ни с кем разговаривать, и я смогу подняться сюда и замкнуться в себе. Твои два письма почти истлели от постоянного чтения. Сегодня пришло несколько больших кораблей, и я надеюсь, что придет письмо от тебя, я узнаю об этом утром[.] Надеюсь, ты собираешься напечатать конспект и отправить его мне. Ты и твоя книга всегда впереди меня, как мираж. Удивительно, как ясно я вижу тебя. Каждую деталь твоего лица, как волосы ложатся на лоб, за уши и на шею. Как сходятся твои брови. Твой нос, твои две губы, твой подбородок и твои глаза, которые все время пытаются не любить меня. Помнишь ли ты меня? Видишь ли ты меня когда-нибудь? Завтра будет три недели, как я уехала. За эти три недели я чувствую себя так, как будто прошла через огненное испытание, я чувствую, что сгорела и очистилась.

Великая забастовка швейников все еще не утихла. Улицы города заполнены изможденными грязными мужчинами и женщинами. Все они хотят вернуться на работу, но не решаются. Завтра вечером я иду на массовое собрание в Купер Юнион. Надеюсь, что удастся достичь какого-то соглашения, обе стороны в полном бездействии, и все без толку. У нас было два прохладных дня, но сегодня снова стояла жара. Я просто ненавижу такую погоду. Я закрываю глаза и думаю об Эмблсайде, о зеленом и серебряном шелке. Я почти ничего не пила, вкус такой отвратительный после того, что мы ели в Англии, а пить все равно не хочется. Хотелось бы, чтобы ты перевели свои латинские цитаты. Я не знаю никого, кто мог бы сказать, что ты написал. Ты забываешь, что пишешь практически самодостаточной женщине. Никакого образования. Вышло много новых книг, жизнь Кольриджа, которая, судя по рецензии, выглядит очень интересной. Также жизнь Донна (кажется, я уже упоминала о ней). Я бы хотела, чтобы у меня была какая-нибудь техника для литературной жизни, моя работа, слабая ее сторона. Я удручена. С тех пор как я вернулась домой, я поняла, как мало я знаю, и, в конце концов, какую ненужную часть дела я делаю. Если бы я только была актрисой, но, может быть, если бы я была другой, я бы не знала тебя, Том. Я буду писать тебе понемногу каждый день. Интересно, понравится ли тебе получать письма так же, как и мне? Спокойной ночи, мой дорогой, да благословит тебя Господь, пусть ты будешь здоров, поверь, как я тебя люблю. Алина

Я снова начала молиться по ночам, чего не делала с 17 лет. Правда, я молилась в Йоркском соборе.

Алине Бернштейн

Челси, Лондон

Суббота, 11 сентября 1926 года

Моя дорогая,

Я ждал от тебя больше двух писем, прежде чем написать, потому что твое второе письмо было таким коротким, и мне показалось, что Америка и яркий свет снова отвоевали тебя, что я должен забыть об этом. Я все же написал тебе открытку из Брайтона, отправился туда поздно вечером в воскресенье и вернулся во вторник, но я не потерял времени для работы. Я писал от четырех до шести часов в день, а все остальное время думал об этом, и о тебе. Регулярность моей жизни очень помогла. Было довольно тепло, но я пишу от 2000 до 2500 слов в день, почти книгу [за] месяц, как ты понимаешь, но моя [книга] будет гораздо длиннее.

Я простудился, но в остальном чувствовал себя очень хорошо до сегодняшнего дня. Два дня назад я получил твою телеграмму с вопросом, все ли у меня в порядке. Я ответил на нее, вчера получил ответ, в котором указал адрес в Брюсселе.

Сегодня утром я встал и, вместо того чтобы писать, пошел в «Америкэн Экспресс», чтобы договориться о Бельгии, взял несколько франков, билет, дал адрес и так далее.

Я нашел два твоих письма. Они привели меня в ужасное волнение; я прочел их дважды, твое собственное горе и то, что ты сказала о глупости твоих друзей, не поверивших в то, что я сделал, мне стало совсем плохо, живот скрутило, так что пришлось выйти и блевать на тротуар за углом на Кокспур-стрит.

Я не знаю, как ты будешь чувствовать себя к тому времени, когда придет это письмо, я понимаю, что большинство привязанностей подобны угасающему углю, но я не сделаю ничего такого, что добавило бы хоть один седой волос на твою голову или причинило бы тебе еще больше страданий[.] Это глупое, неуклюжее письмо, я мог бы написать хорошее сегодня утром, но силы покинули меня. Позвольте мне сказать следующее:

С тщеславием юноши я хотел стать великим человеком[.] прекрасным художником. За последний год, особенно за последние несколько недель, все изменилось. Я не то чтобы совсем перестал быть великим, но впервые я готов съесть скромный пирог. Теперь я знаю, что нико-

гда не смогу стать кем-то большим, чем один из миллионов неизвестных безвестных людей, населяющих земной шар, и почему-то мне все равно.

Я испытываю огромное волнение по поводу своей книги, порой в неестественном пьяном экстазе, мне кажется, что она превращается в одну из самых необычных вещей, когда-либо написанных; но потом я понимаю, что никто не захочет ее опубликовать, мало кто захочет ее читать.

Почему-то я не несчастен. Напротив, я глубоко тронут этим опытом, за последний год я получил от тебя столько мудрости. Я знаю, что теперь мне никогда не стать великим, но у меня есть надежда, что я стану вполне приличным человеком, и я знаю, что безвестность не мешает многим людям вести веселую жизнь.

Эта книга завершает все, это отчет о моей тайной жизни, каким-то образом я хочу довести её до конца, это решительный поступок, и подарить её тебе. Временами мне становится грустно, когда я думаю о том, сколько лет моей жизни было отдано на волю случая, сколько моих друзей убеждали меня в этом, но я знаю, что многие мужчины так и не узнали об этом вовремя; в двадцать пять лет не так уж трудно начать все сначала.

Несмотря на всю нервный вихрь, в который закручена моя жизнь, я не слабак и не трус. После утренней детской и глупой тошноты я побродил часок-другой, и что-то из шотландского гранита, который никогда не давал мне сломаться, пришло мне на помощь, я понял, что это подло и презрительно, ныть всю жизнь о том, чего никогда не достигнешь. Скажу одно, моя дорогая, ты никогда, никогда больше не должна молиться, ради Бога. Никогда не говори мне, как сильно ты веришь, как ты знаешь, независимо от того, верит ли другой человек или нет. Ты говорите это хорошо, но это довольно жестоко. Нет, теперь я прекрасно знаю, что моя жизнь в плане творчества была неудачной, я просто один из тех несчастных людей, у которых развито острое суждение о работе всех, кроме своей собственной; у меня есть огромное, ноющее желание творить, и никакого таланта.

Не думай, что я ною. Сделай для меня вот что: посмотри, есть ли для меня возможность найти работу в Нью-Йорке, я не знаю, какую именно; но скажи, что это для молодого человека, который читал много книг, может читать с невероятной скоростью, довольно хорошо путешествует, может читать по-французски и имеет классическое образование. Бог знает, что ты можешь с этим сделать, я не пользуюсь пишущей машинкой, но если ты найдешь возможность заработать немного денег, столько, чтобы оплатить долги, и еще столько, чтобы покрыть мои неумелые попытки экономить, я буду работать изо всех сил.

Дорогая моя, я не могу прожить великую жизнь, но я могу прожить хорошую жизнь. Последние дни я думал о Сократе и его настаивании на «хорошей жизни». Я вынужден объяснять, одна из деградаций, которой я подвергся, объяснять мысли, чтобы вульгарные умы, люди, которые действуют по формулам, не поняли меня неправильно и не ввели в заблуждение, под «хорошей жизнью» я не имею в виду посещение церкви, не имею в виду не пить и много другой чепухи. Но я твердо решил больше не делать ничего, что могло бы причинить тебе боль или страдания, теперь я понимаю, что моя собственная жизнь того не стоит. Со мной такое тоже случалось, так что я чувствую, что у меня все-таки есть какая-то надежда.

Раньше я был выше всех и всего. Ничто не могло сравниться со мной, кроме яростного тщеславия. Это было потому, что я был ребенком, злился и обижался на то, что не имел успеха, не получал поддержки, не печатался за границей. Теперь это прошло. Я знаю, что ты человек более высокого качества, более высокого достоинства и калибра, чем я, это знание принесло мне бесконечную, славную пользу. И пожалуйста, пожалуйста, во имя всего святого, не пиши мне, говоря, что я – Маска из Марвелла, последнее и величайшее чудо света. Нет никакой раны, которую можно было бы залечить, только та глубокая и живая рана, которую жизнь наносит всем нам. Я не стыжусь; не думай, что я побоюсь сказать друзьям, что я сдался, поскольку во

мне не будет уклончивости, поскольку я признаю, что мне нечего дать, даже завистникам и горьким языкам будет нечего сказать.

Что-то собирается и душит меня, когда я думаю о том мальчике с его безумным лицом, его нелепыми руками и ногами, пожирающем жизнь и книги, влекомый всеми своими пьяными фантазиями о любви и славе. Я часами бродил в этих воспоминаниях, думая о великой и прекрасной госпоже, о еде, о комфорте, о десяти тысячах книг, о месте уединения от мира, о славе, о жизни с великими поэтами; Иногда в ресторанах я разражался громким смехом, вспоминая что-нибудь из того, что случилось в комнате с Шекспиром, когда он писал «Лира»; или что-то, что Шоу сказал мне однажды ночью в Лондоне, или, чаще всего, воображая невинную улыбку Сократа. Я жил с самыми могучими поэтами всех времен, был среди них почетным, великим, успешным, никто и никогда не сможет отнять это у меня.

Я люблю тебя. С тех пор как ты уехала, я ни разу не дрогнул в своем чувстве. Мне не приходилось ни с кем общаться, однажды я пригласил на обед двух женщин-художниц в Париже; одна из них знала меня в Париже. Это была скучная работа. Когда я выхожу в свет, меня поглощает величественная пышность Лондона.

Я не могу продолжать в том же духе. Мой мозг совершенно мертв. Я напишу тебе из Брюсселя. Попробуй найти работу; я приеду, когда ты захочешь.

До свидания; да благословит тебя Бог. Том

Ты, вероятно, платишь штраф Льюисонам за то, что знаешь меня. Во всяком случае, даже утонченные люди могут быть виновны в том, что у них кислый виноград. Ты никогда в жизни не делала заметных дизайнов. От тебя просто требуют менее качественного дизайна. Но теперь, когда я не при делах, они могут признаться, что видят в твоей работе возврат к прежним достоинствам. Ради Бога, заведи у этой женщины две мои пьесы и обещай мне, пожалуйста, не говорить с ней о них вообще. Ты исцелишься, к тому времени, когда это [письмо] дойдет до тебя.

Я никогда не называл тебя плохим словом, ты сама обвинила меня в этом в своем первом письме; ничто не имело целью ранить тебя. Я сказал: «Я помню» что ж, еврейка, я помню. А ты?

От Алины Бернштейн

Нью-Йорк

15 сентября 1926 года

Мой дорогой,

Меня очень расстроила почтовая открытка, которую я обнаружила сегодня в театре. Это была, как ты говоришь, одна из твоих шуток? Вот что там было написано: «Моя дорогая, я ни в коем случае не такой благовоспитанный, как это предполагается, я к этому времени (какое-то слово, которое я не могу разобрать) прекрасно ошетинился бычьими перьями. Но я не одинок – люблю, Том». Что значит «я не одинок», ты уже нашел другую девушку на свой вкус? Я просто не могу в это поверить, я не поверю в это, у меня был еще один почти невыносимый день, я отправила тебе две телеграммы. Почему я не могу перебраться через океан? Когда я нашла твою открытку, я просто разорвалась на части. Я могла бы с таким же успехом решиться на это, полагаю, рано или поздно это произойдет. Ты уйдешь от меня к другой. Я не получала от тебя писем с тех пор, как пришли два первых, которые были вместе. Я хочу знать о тебе, как ты себя чувствуешь и как обстоят дела с книгой. Тебе, должно быть, страшно одиноко. Говоришь ли ты с кем-нибудь? Не тяготят ли тебя эти письма, которые я пишу, и не раздражают ли они тебя? Мне интересно знать, как ты к ним относишься, но я не могу писать иначе. Если мне суждено снова увидеть тебя в этой жизни, я хочу, чтобы ты заранее знал, как обстоят дела. Ты никогда бы не понял всего этого, когда я твердила тебе этим летом, под всем этим я подразумеваю то, как я забочусь о тебе. Очевидно, ты думаешь, что я могу служить тебе лучше, находясь вдали. Возможно, это и так, но это больно. Я перебралась в верхнюю часть дома, чтобы быть более

одинокой. Там хорошо. Жаль, что ты не слышишь шума, доносящегося из Риверсайда: товарные поезда снуют туда-сюда, колокольный звон, длинные тонкие свистки лодки или мотора, время от времени ужасный визг от плохого автомобильного тормоза. Одни и те же звуки на протяжении многих лет. Я действительно не знаю, куда отправлять твои письма. Я оставлю это письмо здесь на несколько дней и буду его дописывать. Теперь я хочу спросить тебя кое о чем, и, ради всего святого, не сердись. Как у тебя обстоят дела с деньгами. Скоро я получу чек от мистера Эймса и чек от театра, а я практически ничего не трачу. У меня достаточно одежды, я беру еду домой и совсем не плачу за аренду студии. Ты должен пообещать мне, пожалуйста, ничего не просить из дома, пожалуйста, дай мне знать, как ты сейчас устроился, как только тебе что-то понадобится. Я так горжусь тобой и так счастлива, что моя жизнь стала частью твоей. Спокойной ночи, дорогой, да благословит тебя Господь.

От Алины Бернштейн

[17 сентября 1926 года]

Дорогой,

Вчера поздно вечером я получила твою телеграмму из Брюсселя, ты все так же верен и все так же дорог. Почему ты так написал о том, что не можешь быть один? Или ты имел в виду что-то другое, чего я не понимаю. Сегодня самый святой день в еврейском году, День искупления. Мы постимся 24 часа, и я хотела бы быть святой. Должно быть, это славно, верить в Бога и пропускать его через себя в груди. Мы постимся 24 часа, даже воды не пьем. Каждую субботу вечером я иду к Морганам-Артурам и остаюсь на воскресенье. Там хорошо и тихо, а в деревне так хорошо пахнет. Мне так хорошо, что у меня вырастают маленькие крылышки. Я больше не пью. Выпила только один раз, с Винни Лениханом. Я когда-нибудь рассказывала тебе, как я задумала «Le Dompteur» [«Укротитель львов»]. Первый акт, снаружи циркового шатра. Во втором акте я разворачиваю всю работу и рисую комнату в доме лорда Джона внутри циркового шатра, оставляя верх шатра для изображения потолка, а две двери в квартире, по бокам. Это очень просто, и неплохо для пьесы, и очень дешево для постройки и работы. Маленькая модель, которую я сделала, получилась довольно хорошо, я надеюсь, что сцена тоже получится. Дороти играет даму, она такая же манящая, как блюдо холодных сливок из пшеницы. Я одеваю ее в мерзкие оттенки розового. Сегодня вечером она зашла ко мне ненадолго вместе с Джоном Мейсоном Брауном. Первым делом они оба спросили о тебе. Я была так рада, рассказать что-то о тебе. Боюсь, я слишком много говорила о тебе. Они слышали, что ты навсегда уехал за границу. Надеюсь, что нет. Они не задержались. Они ехали куда-то еще. Дороти очень милая девушка, хотя мне снова предложили пойти преподавать в Бейкерс, может быть, это как раз то, для чего я подхожу. Я очень удручена своей работой. Я больше не могу, а когда можешь, что тогда? Писать – единственное, что остается, или, может быть, играть, если это нравится. Но писать – это единственное. Я бы хотела, чтобы у меня хватило смелости начать [писать] что-то еще, но не знаю что. По правде говоря, я думаю, что самое лучшее, что я могу сделать в жизни, это готовить для некоего Тома Вулфа, чинить его одежду и создавать ему общий комфорт. А вечером надевать золотое платье и сверкать для него, чтобы он не думал, что романтика жизни исчезла. Сейчас я чувствую себя центром романтики, принцессой в замке, в тяготах, а когда-нибудь, возможно, буду спасением в тесных любящих объятиях. Мне бы хотелось, чтобы у меня было письмо, интересно, может быть, ты писал, а оно затерялось. Сейчас я пойду спать. Весь вечер читала «Китса» Эми Лоуэлл, мне нравится. Она пишет четко. Я люблю тебя навсегда пока живу. Алина.

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Понедельник, 20 сентября [1926 года]

Мой дорогой,

Я уже несколько дней ношу письмо к тебе в сумочке, потому что не знаю, куда его отправить. Я с облегчением узнала, что ты возвращаешься в Англию, кажется, что ты ближе к дому, чем когда ты на континенте. Другое письмо у меня в конверте, так что завтра утром я опущу его в почтовый ящик. У меня были прекрасные тихие выходные в Плезанвиле со всеми моими боссами из «Плейхауса». Я приготовила для них ужин, и он был таким вкусным. Я взяла мамину железную кастрюлю и приготовила таких цыплят, каких ты никогда не пробовал. Хелен окрестила их цыплятами а-ля Бекки, и это очень хорошее название для них. Я готовлю их часами, очень медленно, и с ними много овощей. Сегодня вечером я ходила смотреть «Что знает каждая женщина». Я ходила с мистером Бернштейном. Это первый раз, когда я смотрю пьесу с тех пор, как вернулась. Понравилось гораздо больше, чем я ожидала. Хелен Хейс великолепна. Я продолжаю упорно заниматься своей работой, она так или иначе будет закончена, а потом что я буду делать? Найдется что-нибудь еще. Может быть, Елена Троянская[.] Я забочусь о тебе как никогда, нет, не как никогда, но я все время чувствую это. Ты не можешь себе представить, как я хочу поговорить с тобой. Мы жили очень интимной жизнью, это было божественно. Я хочу говорить с тобой обо всем. Дорогой, это письмо придет к тебе в день твоего рождения, может быть, чуть раньше. Помнишь, какой был теплый день? Я выглядела шикарно в коричневом и ждала тебя на ступеньках библиотеки 20 минут, не могу поверить, что это было всего год назад. Ты вошел в этот год и увеличил его в четыре раза. Я так потерялась без тебя, разве не ужасно быть женщиной? Мы разрываемся на части от таких вещей. Я как никогда хочу быть мужчиной. Только посмотри, как ты можешь путешествовать, приходить и уходить в любое время, приезжать в незнакомый город и вникать в его суть. Представляешь, что было бы, если бы я одна поехала в Брюссель и пошла посмотреть достопримечательности? Если я продолжу в том же духе, то буду отстаивать права женщин. Во Флориде произошла страшная катастрофа. Ураган разрушил здания стоимостью в миллионы долларов. Интересно, читал ли ты об этом? Мне так хочется получить от тебя письмо. Так странно, что у меня не было ни одного [письма], кроме двух первых. Может быть, ты не писал, но в твоей открытке было написано, что ты пишешь. Может быть, письмо затерялось, это было бы ужасно. Я пишу тебе, когда ложусь спать ночью, это единственное время, когда меня не прерывают, поэтому мне приходится писать карандашом, и иногда я нахожу это не слишком удобным. Сейчас я собираюсь спать, спокойной ночи дорогой, благослови тебя Бог, как я благодарна, что ты родился. Тысячу раз, я люблю тебя[.] Алина

От Алины Бернштейн

Вторник 8:30 утра [21 сентября 1926 года]

Доброе утро. Я всегда заканчиваю свои письма пожеланием спокойной ночи. Возможно, сегодня я найду письмо в театре. У нас сырая и теплая погода, но сегодня хорошо и ясно. Вчера из Франции приехал Савуар, и его ждут сегодня на репетиции в городе. Все очень волнуются, но я готова поспорить, что он не появится. Я взяла на себя смелость поговорить кое с кем о твоей пьесе. Я верну тебе копии обеих, которые были у мисс Элис Льюиссон. Они должны быть в театре. Я получила письмо от Минны с просьбой приехать в Нортгемптон сразу после премьеры. (7 октября). Я поеду туда на несколько дней. У них есть дом на холмах. Думаю, там будет хорошо. Я могла бы купить за бесценок самый райский уголок в этой стране. Если бы ты был здесь, чтобы занять его (вместе со мной?). Я бы как-нибудь нашла деньги. Около 20 акров земли, такой богатой, зеленой, и прекрасный белый фермерский дом. Слишком милый, не смею задерживаться на этой мысли.

Алина

Алине Бернштейн

Брюссель, Бельгия

Вторник, 21 сентября 1926 года

Дорогая,

Просто короткая записка из винного магазина – более длинное письмо напишу сегодня или завтра. Я написал тебе вчера, что уеду отсюда в четверг и буду в Лондоне в следующий понедельник. Я подумал, что должен остановиться на день в Антверпене и Брюгге. Я сомневаюсь, что покину Англию, пока не закончу книгу.

Я писал каждый день с тех пор, как ты уехала, за исключением воскресенья, когда я приехал сюда. Но я очень мало путешествовал по стране[.] Повсюду стоят машины для поездок в Ватерлоо, на Британский фронт, но у меня не было времени для экскурсий. В последние три дня было ужасно жарко, сегодня небо пасмурное: кажется, все закончилось[.]

Я продвигаюсь вперед хорошими темпами, пишу 1500 или 2000 слов в день. Боюсь, однако, что мне не удастся написать книгу так быстро, как я думал. Я все время думаю о ней, когда не думаю о тебе. Твои письма и телеграммы поддерживают мою жизнь. Ты спрашиваешь меня, могу ли я думать о жизни в Нью-Йорке с тобой, я действительно не могу думать о Нью-Йорке без тебя.

Я также размышляю о том, что, несмотря на чувства, которые, как я знаю, являются искренними и которые одушевляют эти письма, ты отбыла в назначенное время, завершив свою летнюю поездку, и ни разу не удостоила меня вниманием хотя бы на день позже, или на корабле. Я знаю, что ты унесла с собой двуличность, прошлым летом ты укоряла меня, представляя себя изгнанной отовсюду, но это была намеренная слезливость. Ты всегда старалась не рисковать.

Бесполезно протестовать против моего жестокосердного неверия[.] Я лишь смотрю в лицо неоспоримым фактам. Моя дорогая, ты будешь предавать и обманывать меня раз за разом, прежде чем я снова увижу Нью-Йорк.

Но ты дорога мне больше, чем кто-либо другой. В этом городе полно женщин, они привлекают меня не больше, чем мягкие куклы. Я не встречался ни с одной из них[.]

Мне жаль, что ты играешь в пьесе Барри. Я немного знал этого человека в Кембридже, он всегда был достаточно сердечен. Но все, что связано с мастерской, теперь причиняет мне боль, я провалился в ней[.] Некоторые из них думали, что я пройду, но я не прошел. Я знаю, что при мне ты высмеиваешь этих людей, но потворствуешь им, как во время того ужасного обеда с человеком в Париже. Никогда больше не пиши мне о пьесе, разве что скажи, что ты хорошо поработала. Ты не можешь вернуть меня в Нью-Йорк сейчас, когда я приеду, будет уже слишком поздно. Пожалуйста, не предавай меня (во имя Бога!) с кем-то, кого я не знаю. Я люблю тебя[.] Том.

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Среда, 22 сентября 1926 года

Мой дорогой,

Парк полон белых клематисов в полном цвету, все вокруг обильно зеленеет от прошедших дождей. Я пришла из театра около 7 часов, там так сладко пахло[.] Это было грустно. Я никогда раньше не видела столько насыщенных красивых цветов. Мои глаза отчего-то очистились, я вижу вещи, как ноты органа и глубокие аккорды[.] Здания стали красивее, новые здания невероятны по форме и разнообразию. Но есть и что-то уродливое. Мне это нравится. Я бы хотела, чтобы и тебе понравилось. Думаю, тебе бы понравилось, если бы ты не был занят преподаванием. Тебе следовало бы поселиться на вершине одного из новых зданий с балконом. Твоя голова почти касалась бы неба, а до небес оставалось бы совсем немного. Я хочу сказать, что здесь есть огромная красота, которой так много, но ужасная духовная нищета и отсутствие формы, которая так радовала меня в Англии. Убогость, и избыток всего. Сегодня я встретила

Савуара. Он очень мил, пришел в кино. Это цветущий, очень еврейского вида француз, лет 45, я думаю, он очень веселый. Ему не понравился мой дизайн, слишком простой, он любит более современный декор. В субботу он уезжает в Калифорнию примерно на три месяца, так что выставку он не увидит. Я была немного разочарована тем, что ему не понравились декорации, конечно, они еще не закончены, но он получил общее представление. В любом случае, я была обескуражена всей своей работой. Все бесполезно, единственное, что меня утешает, это то, что ты делаешь что-то прекрасное. Я дорожу тобой и мыслью о том, что ты работаешь. Все твои телеграммы так обнадеживают, работают, как говорится, и заканчиваются самым дорогим. Должна сказать, что я разочарована отсутствием писем, но, возможно, ты не мог писать. Неужели тебе не надоело, что я говорю тебе, как я тебя люблю? Я хочу писать об этом все время. Это давит на меня и обжигает. Может быть, это письмо дойдет до тебя в день рождения, я не могу рассчитать дату. В прошлый раз это была суббота, значит, в этот раз будет воскресенье. Я отправлю письмо на день вперед, в воскресенье. Я знаю, что ты родился 3 октября, даже если телеграмма придет в другой день. Как ты знаешь, я собираюсь завтра на большой бой в Филадельфии[.] Некоторые наши друзья не смогли поехать, так что наша семья стала наследницей трех билетов (стоимость какая-то непомерная)! Я не знаю, кто еще пойдет. Ты знаешь о бое? Я напишу тебе графическое описание, когда вернусь домой. Я не останусь там на ночь. Думаю, скорее всего, поедут Эдла и Тедди. Я очень хочу пойти, главным образом, чтобы увидеть толпу, хотя толпы обычно пугают меня. Я отправлю это [письмо] утром. Храни тебя Бог, мой дорогой. Алина.

От Алины Бернштейн

Мой дорогой,

Только что получила твое длинное письмо. Я напишу длинный ответ на него сегодня вечером или завтра. Ужасно, что я передала тебе смысл того, что люди не верят в тебя. Я хотела сказать, что если они не верят, то это потому, что они глупцы. Особенно мисс Элис Л. Терри считает тебя одним из величайших, а также Хелен и Агнес Морган. Терри сказала мне, когда мы плыли на корабле, что, по ее мнению, ты скоро займешь свое место среди великих. Я боюсь писать больше сейчас, опасаясь, что сделаю это плохо и взволную тебя. Я уезжаю на поезде, чтобы посмотреть на бой[.] Моя семья ждет.

Да благословит тебя Господь[.] Я люблю тебя.

Алине Бернштейн

Брюссель, Бельгия

Среда, 22 сентября 1926 года

Моя дорогая,

С тех пор как я приехал в Брюссель, я не вел переписку. Однако я несколько раз писала тебе, и после возвращения в Англию я напишу лучше. Я нахожусь в этом очень веселом городе уже десять дней, и больше недели я не говорил на своем родном языке, не общался ни с кем из своей нации. Мои разговоры почти со всеми были безличными, месяц покупок и платежей. Это неплохо, только по ночам. Тогда мне становится довольно одиноко.

Я очень много писал, моя книга получается огромной, я не могу закончить ее так быстро, как думал. Сегодня единственный день, когда я не писал, я пишу это письмо за ужином (в 8 часов) и постараюсь закончить работу сегодня вечером.

Я взял выходной и поехал в Ватерлоо на автобусе, первая поездка, которую я совершил. Нас было семь или восемь человек, двое или трое англичан, двое или трое французов и твой старый друг Джеймс Джойс. [Миссис Бернштейн впервые встретила Джойса, когда в 1925 году в «Плейхаусе» была поставлена его пьеса «Изгнанники». В августе 1926 года ей довелось встретиться с ним еще раз, во время которой Вулф и Джойс пожали друг другу руки и обмена-

лись несколькими короткими замечаниями.] Он был с женщиной лет сорока (но не такой молодой, как ты, моя дорогая), молодым человеком и девушкой. Я заметил его после того, как мы спустились в Ватерлоо, я видел его фотографию всего день или два назад в объявлениях французского издательства. На одном глазу у него была повязка. Одет он был очень просто, даже потрепанным: мы зашли в маленькое кафе, где остановился автобус, чтобы посмотреть на сувениры и купить почтовые открытки; затем мы прошли по тому, что когда-то было Подземной дорогой, к огромному круглому зданию, по бокам которого была нарисована панорама битвы; затем мы поднялись на несколько сотен ступеней на большой курган, который поддерживает льва и смотрит на поле. Молодой человек в очках с роговой оправой [вероятно сын Джойса] и в легкой спортивной куртке был очень похож на американского студента: он начал разговаривать со мной, поднимаясь по ступенькам, я спросил его, знает ли он человека с повязкой на глазу. Он ответил, да, это Джойс. Я вкратце рассказал, что видел фотографию Джойса и читал его книгу; после этого молодой человек присоединялся ко мне на каждом шагу. Возвращаясь по дороге к кафе, я спросил его, улучшилось ли зрение Джойса, и он ответил, что Джойс работает над новой книгой, но не может сказать, когда она будет закончена. Мы вернулись в кафе, они сели за столик и пили чай: молодой человек, казалось, собирался предложить мне присоединиться к ним, я быстро занял место за другим столиком, заказав два пива. Все они говорили по-французски, он рассказал им обо всем, а они время от времени украдкой поглядывали на меня, сам великий человек время от времени хитро поглядывал на меня своим зорким глазом. Пока они пили чай, все писали почтовые открытки. Когда они встали, чтобы зайти в автобус, молодой человек несколько величественно поклонился мне, я его не виню; я бы тоже был рад. Судя по всему, это семья Джойса, он – мужчина лет сорока, достаточно взрослый, чтобы иметь сына и дочь. Женщина была похожа на тысячу француженок среднего класса, которых я знал, – вульгарная, с развязным языком, не очень умная. Молодой человек хорошо говорил по-английски, но с иностранным акцентом. Странно было видеть Джойса – одного из богов современности – не говорящего ни слова на языке, на котором основана его слава. Девушка была довольно симпатичной – сначала я подумал, что это маленькая американская красотка.

Джойс был очень прост и мил. Он шел рядом со старым гидом, который показывал нам все вокруг, с видимым интересом слушал его речи на ломаном английском и задавал ему вопросы. Мы возвращались домой в Брюссель через великолепный лес, протянувшийся на многие мили. Джойс сидел с водителем на переднем сиденье и задавал множество вопросов. Я сидел один на заднем сиденье – это был огромный автобус; женщина сидела передо мной, девушка – перед ней, молодой человек – с другой стороны. Странное расположение, да?

По дороге домой Джойс немного сбился, поэтично накинув пальто на плечи. Но мне нравилась внешность Джойса, не экстраординарная с первого взгляда, но растущая. Его лицо было сильно раскрашено, слегка вогнуто, рот тонкий, не изящный, но необычайно смешной. У него был большой мощный прямой нос, краснее, чем лицо, изрытое шрамами и фурункулами.

Когда мы вернулись в Брюссель и остановились перед автобусной конторой, молодой человек и две женщины составили небольшую группу, а Джойс вошел внутрь. Молодой человек смотрел на меня, а я плавал в пиве. Я нырнул в ближайшее место, которое находилось под памятником: здесь они более респектабельны, чем в Париже.

В любом случае все было слишком хорошо, чтобы испортить: мысль о том, что мы с Джойсом окажемся в Ватерлоо в одно и то же время, да еще и на борту экскурсионного автобуса, показалась мне безумной забавой. Я сидел на заднем сиденье, издавая идиотские звуки в горле, и напевал всю обратную дорогу через лес.

Думаю, если бы они знали, что их обнаружили, они могли бы быть немного величественными. Но они вели себя как обычные люди, отправившиеся осматривать достопримечательности.

Завтра я отправляюсь в Антверпен, послезавтра – в Брюгге, в воскресенье или понедельник – в Лондон. Сегодня я отправил письмо в «Американ Экспресс», чтобы они забрали мою почту. Надеюсь, что найду там что-нибудь от тебя, когда приеду. Твои письма дают мне жизнь и надежду. Моя жизнь совершенно аскетична, совершенно отдалена. Я хорошо питался здесь, некоторые рестораны превосходны. Но я ни с кем не сидел за столом, кроме маленького английского торговца, который приехал со мной на корабле: это был забавный человечек, полный невинной порочности, который провел меня, лукаво подмигнув, к столику в самом респектабельном танцевальном зале: мы пили апельсиновый коктейль, человечек смотрел на девушек и подмигивал мне, разражаясь приступами беззвучного смеха.

В Брюсселе не пьют ничего, кроме пива и вина, если только не покупать в магазинах бутылки с более крепким напитком. Я пью в основном пиво: есть места, где предложат ледяное игристое шампанское по двенадцать центов за бокал[.]

Вчера около полуночи, я вышел из своей комнаты после работы, чтобы прогуляться, меня остановила женщина и стала приставать ко мне. Это была крупная белокурая проститутка. Я дал ей денег на пиво и отправил ее дальше. Через несколько минут я заметил страшную суматоху на другой стороне улицы. Проститутки, с нетерпением ожидающие драки, набегали волшебными полчищами. Моя дама вырезала бритвой внушительный кусок из шеи одного джентльмена и ожесточенно терзала маленького мужчину по всему тротуару. Между шлюхами и их сутенерами произошло несколько мелких потасовок. Наконец кто-то крикнул «Полиция!», и они исчезли в четырех разных переулках. Подросла полиция и великолепно арестовала порезанного мужчину.

Ты спрашиваешь меня, могу ли я снова думать о Нью-Йорке вместе с тобой. Я честно отвечаю, что не могу думать о Нью-Йорке без тебя. Я говорю это, прекрасно зная, что до моего возвращения ты, возможно, погрузишься в свою жизнь в другом месте, или что твое «ожидание» может облегчиться только в переходе к кому-то, кого я не знаю, пожалуйста! Я люблю тебя и чту, ты лучше и прекраснее меня, но даже в самых великих людях, я знаю, есть то серое гранитное существо, которое живет во мне, но не является частью меня, и которое, как бы слаб я ни был, в минуты ужаса и опустошения возникает и медленно движется во мне.

Я возвращаюсь в Англию, чтобы попытаться закончить книгу, она гораздо масштабнее, чем я думал, но с каждым днем обретает ясность и структуру. Это письмо глупое, вся моя энергия и большая часть моих чувств к тебе ушли в книгу.

Возможно, в следующем месяце я поеду в Оксфорд. А пока постараюсь вернуть себе прежнюю квартиру в Лондоне. Я читал об ужасном шторме во Флориде: это значит, что мои родственники потеряли деньги, что может и хорошо, но я молю Бога, чтобы это не означало, что бы они не потеряли жизнь[.]

Свидетельства твоей привязанности – самое ценное, что у меня есть; думая о них, я забываю, что ты не опоздала ни на день на пароход; что прежнее сокрытие всего осталось, и что сейчас, когда я пишу это, окруженный позолоченной юностью, ты снова живешь, делая декорации к пьесе Барри, порицая их, но преклоняясь перед славой, как ты преклонялась перед человеком в Париже в ту тошнотворную ночь, когда я, неопубликованный мальчишка, сидел и давился своей едой. Я знаю, что, слушая мои порицания в устах твоих друзей, ты возвысила себя, провозгласив веру в меня (нет, не провозгласила), но не обращай внимания; теперь все кончено[.] Я знаю, что никогда не создам ничего стоящего, книга очень нужна, но если ты сможешь привыкнуть ко мне после Великого Отречения, пока я буду стараться стать неприятельным человеком, мое сердце, как ты увидишь, будет там же, где и раньше.

Прощай, благослови тебя Господь, моя дорогая. Том

Я устал после Джойса и Ватерлоо[.] Прости за глупое письмо. Я просто подумал, что мне, наверное, будет 26 лет, когда ты его получишь[.] В 23 года сотни людей думали, что я ничего не

сделаю. Теперь никто не думает об этом, даже я сам. Мне действительно все равно. Не говорю «я сделаю», я больше не буду хвастаться.

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Четверг, 23 сентября [1926 года]

Мой дорогой,

Я уже потеряла надежду получить от тебя какое-либо письмо, как вдруг сегодня утром получила его. Оно появилось вместе с моим утренним кофе, и я была ужасно взволнована. Кажется, я сделала что-то ужасное для тебя, но позволь мне идти шаг за шагом и изложить все как можно более простым языком, какой я знаю. В своем первом письме ко мне, которое было прекрасным, ты начал сетовать на то, что, несмотря на мою любовь и преданность, ты не получил поддержки от моих друзей. Мой ответ был призван лишь дать тебе понять, что я не несу ответственности за их глупость, я могу отвечать только за себя. Я не хотела сказать, что мои друзья (я действительно не знаю, кого ты к ним относишь, возможно, Элис, Ирен, Хелен, Агнес, Терри и так далее) не верили в тебя. Они верили. И Элис, и Ирен неоднократно говорили мне о твоих произведениях. Я написала тебе сегодня одной строкой то, что сказала мне Терри. Кроме того, я хочу, чтобы ты понял, что мои суждения о твоём творчестве ничуть не смягчены моей любовью к тебе как к человеку. К этому времени ты уже должен хорошо меня знать. Это единственная неженская черта, которой я обладаю, я беспристрастна, когда дело касается подобных вопросов. Я не думаю, что ты должен считать меня жестокой, когда я говорю, что считаю тебя великим творческим человеком. Если тебе не по душе мое мнение, можешь оставить его. Но я так думаю, и (вот фраза, которую я подхватила у тебя) я не одинока в этом мнении. Более того, ты еще не закончил свою работу, ты только начинаешь. Вот разумный план: Почему бы тебе не закончить написание первой части книги в Лондоне. Ничто в мире не сравнится с этим, я хочу увидеть тебя, но я хочу, чтобы ты закончил [книгу], и, как мне кажется, там ты сможешь работать более стабильно. Потом, я знаю, тебе понадобится много доработок, и если ты хочешь быть рядом со мной и не думаешь, что это помешает, возвращайся. С такими темпами, как сейчас, ты наверняка успеешь к Новому году. Я очень хочу снять студию, но не буду этого делать, пока ты не вернешься домой, тогда у нас будет место, где ты тоже сможешь работать. Моя рабочая комната дома почти невозможна, я перенесла свои рисовальные принадлежности в игровой дом и использую его для студии. Теперь у нас есть новая, на верхнем этаже, на том этаже, где у нас с Лиш был маленький кабинет[.] Это большая комната, как и нижняя, но гораздо приятнее. У Агнес Морган там тоже есть свой стол. Если я буду знать, когда ты приедешь, я смогу что-нибудь купить к твоему возвращению. Я могла бы снова снять наше старое место, но не думаю, что оно тебе нравится. Может быть, я найду другое, но у него были свои преимущества.

Ты вовсе не собираешься отказываться от писательства. И послушай, Том, между нами нет вопроса о долге, никогда не было[.] Мы решили заботиться друг о друге, и пусть не будет никаких глупостей и излишнего подчеркивания того, что доллар делает то-то и то-то. Если настанет время, когда наше положение в этом отношении изменится, ты прекрасно знаешь, что с моей стороны не будет никаких угрызений совести или пререканий. Кроме того, мистер Гилберт Миллер встречается со мной завтра, чтобы сделать для него шоу. Надеюсь, это будет не сразу, я не смогу сделать, пока не выйдет «Укротитель львов». Потом я очень хочу продолжить заниматься архитектурным рисунком. Я пыталась поступить в Школу прикладного дизайна, но ничего не вышло, пришлось придерживаться их графика – Кэролин Хэнкок [Художник-сценограф, в 1920-1930-е годы оформивший такие спектакли, как «Они знали, чего хотели» (1924), «Американская трагедия» (1926) и «Укрощение строптивой» (1935)] вернулась и сказала, что будет работать со мной, если это возможно, у нее довольно много работы. Я пробовала рабо-

тать в Колумбии, но мне потребовалось много математической подготовки, которой у меня никогда не было, прежде чем меня туда пустили[.] Интересно, писала ли я тебе на прошлой неделе, что обедала со своей подругой, редактором сценариев «Первая Нация» [Голливудская кинокомпания, основанная в 1917 году, которая активно снимала фильмы с участием таких актеров, как Чаплин и Пикфорд. В 1929 году она была поглощена компанией «Уорнер Бразерс»]. Она сказала мне, что всегда есть сдельная работа, приносящая достаточно денег, чтобы жить, а для кого-то умного – бесконечные возможности. Конечно, это не карьера для тебя, но эта работа может поддержать, пока ты не увидишь, что твой путь свободен. Конечно, никто из тех, кто работает на них, не обладает такими способностями, как ты, я думаю, что ты мог бы уйти, если бы не ненавидел это слишком сильно. Я также знаю кое-кого из «Знаменитых игроков», [Производственная компания, основанная Адольфом Зукором в Нью-Йорке в 1912 году. Позднее она была поглощена компанией «Парамаунт»] но не такого влиятельного. Но твоя книга – это главное, и она должна быть на первом месте. Сегодня первый день, когда я вижу хоть какую-то перспективу твоего возвращения домой, я очень взволнована, как будто знаю дату. Не бойся, что я когда-нибудь вылечусь, или исцелюсь, как ты это называешь. Скорее наоборот, ты должен бояться, что я так и проживу свои годы в любви к тебе. Ты устанете от любви. Мне жаль, что я не могу писать лучше, ты знаешь, что твое представление о том, что мы можем сказать все, что угодно, ошибочно. Боюсь, что я все перепутаю, прежде чем это попадет на бумагу, и тогда ничего хорошего не получится. Но вот что я могу сказать по-английски: я люблю тебя. Мне нужно твое присутствие. Я хочу быть рядом с тобой, когда ты ужинаешь с мистером Шекспиром и обедаешь с мистером Шоу. Я хочу быть великой и прекрасной хозяйкой твоих снов. Я бы хотела иметь тихое прекрасное уединение и 10000 книг. Но я всего лишь еврейка. Я должна рассказать тебе, что случилось после боксерского боя. Мы дошли до Пенсильванского вокзала, я увидел такую огромную толпу, что мое мужество растворилась, и я вернулась домой. Я думала, что вокзал будет разрушен, и у меня были ужасные видения того, как хлипкий новый стадион будет запружен. Я увидел длинную синюю линию, которая оказалась солидными полицейскими, ехавшими в толпе, я просто отвернулась. Полицейские нанесли последний штрих. Ты же знаешь, такие толпы меня пугают. Тедди уговорил друга воспользоваться моим билетом. Я пошла по дороге и слушала бой по радио. Это было захватывающе, а человек, который его рассказывал, просто чудо. Он никогда не колебался, то, что видел его глаз, тут же описывал его язык, его речь длилась всего несколько секунд после гонга, это была такая быстрая запись[.] Я никогда не думала, что буду наслаждаться радио. Как только начался большой поединок, пошел дождь, а к финалу он уже лил вовсю, и вот я снова в постели. Я пришлю тебе копию утренней газеты, я знаю, как тебе нравятся эти истории. Жаль, что ты не мог быть здесь и послушать эту замечательную историю. Очевидно, это был не очень захватывающий бой, но, как мне кажется, все было в порядке, и Демпси больше не чемпион. Знаешь, что касается Льюисонов и их отношения ко мне, я думаю, они совершенно искренни, по-своему. Хелен, кажется, считает, что они в какой-то мере расстроены тем, что в прошлом году я получила широкую огласку, своего рода личную огласку, которую, похоже, не получил никто другой, и которую я действительно заслужила не больше, чем все остальные. Просто такова природа моей работы, быть в газете, а не из-за ее относительной важности. Как бы то ни было, они смирились с этим и ведут себя как люди. Им же лучше. Я писала, что после открытия «The Lion Timer» [«Укротитель львов»] собираюсь поехать к Минне [Минна Кириштейн Кертисс была близкой подругой Алины Бернштейн и прообразом для персонажа Лили Манделл в романе «О времени и о реке». Именно Минна Кириштейн до своего замужества вернулась из Европы вместе с миссис Бернштейн, когда та встретила Вулфа на борту корабля], только на неделю. Я теперь каждую субботу езжу в Плезантвилль и готовлю. Мне это нравится, но, Боже мой, как бы я хотела готовить для тебя.

Я так боюсь, что ты неправильно читаешь письма, которые я тебе писала. Или я их неправильно написала? Я собиралась послать тебе статью о большом урагане во Флориде, но она оказалась слишком ужасной. Надеюсь, твои родственники не понесли больших потерь. Вот несколько новостей: Патриция Калверт вышла замуж, я забыла имя счастливого (?) человека. Эдла рассказала мне, но это не осталось в моей памяти. Она может быть Шерезадой [и] успокаивать его 1001 сказкой. Надеюсь, я скоро снова получу письмо, но не о том, что ты болен или тебя тошнит. Благослови тебя Бог, дорогой, я так счастлива даже при слабой перспективе твоего возвращения домой. Алина

Не слишком ли длинное письмо – на его написание у меня ушло почти два часа.

Алине Бернштейн

Отель «Бристоль и Марин»

Антверпен, Бельгия

Суббота, 25 сентября 1926 года

Моя дорогая,

Я приехал сюда вчера днем из Брюсселя; завтра я еду в Брюгге, а оттуда в Лондон. Я получил твоё письмо вчера в Брюсселе; я счастлив узнать, что будет почта для меня, когда я вернусь[.]

Последние два-три дня я очень мало писал; такими темпами я не закончу еще много месяцев, но до этого я хорошо разогнался и вчера вечером закончил три большие красные книги, которые я купил в Илкли (правда писал, только с одной стороны листа). Я продолжаю работу в огромной бухгалтерской книге, которую купил в Брюсселе.

Антверпен – очень красивый старый город, в его зданиях гораздо меньше французского, гораздо больше фламандского, чем в Брюсселе, жители, кажется, более часто говорят на фламандском – своем родном диалекте. Сегодня утром я посетил кафедральный собор с огромной парящей башней и великолепным входом, украшенным святыми, грешниками, раем и адом, но в остальном он очень прост в оформлении. Интерьер украшен шедеврами Рубенса – это был его родной город, включая знаменитое схождение с креста. Я ходил по городу с пожилым человеком, который рассказал мне, что до того, как у него испортились глаза, он был морским художником: он с восторгом рассказывал о кораблях клиперов.

Моя жизнь снова стала приобретать тот отдаленный и одинокий характер, который был у меня раньше, когда я бродил по городу. Я кажусь себе призраком в мире людей; или единственным человеком в мире призраков – это одно и то же.

Время от времени я думаю о приближающемся дне рождения: Хотел бы я, чтобы здесь был лотос, на котором я мог бы вкушать забвение, забыв обо всем, даже о том, что я когда-либо хотел быть мужчиной. Но я не могу.

Тебе нравится быть романтической фигурой, смотреть на загадочную печаль? Подумай, какой свет ты дашь этим, когда придет мой преемник. Или когда он придет.

Я люблю тебя, моя дорогая: твои письма дают мне жизнь. Я еще не могу проглотить в своем ущелье мысль о ночном приключении. Моя жизнь замкнулась на самом высоком холме, внутри стены. Я больше не впадаю в депрессию, как раньше, от одиночества. Я уже привык к нему, в нем есть странная воздушная холодность. Когда-то я ненавидел себя в глубине души, потому что считал себя бесхребетным чувственником: Я видел себя изможденным мастером шлюх в 30 лет, потрепанным граблями в 40, с маленькими красными глазами. Но теперь я верю, что могу стать каким-нибудь диким отшельником с севера: с жаждущими щеками и глазами. Я больше не плету снов о делах с живой плотью; но очень часто теперь я думал об античных фигурах, не холодно, а со страстной теплотой, не как о символах, а как о великих реалиях. В моем отце текла голландская кровь, и во мне всегда жила любовь к роскоши: картины Хондекотера, [Мельхиор Хондекотер (1636–95) – голландский живописец, специализировавшийся

на написании цветных натюрмортов и богато оперенных птиц] столы, уставленные птицей, фруктами и рыбой; мясная лавка, увешанная капающей говядиной, коровы Кюйпа, [Аэльберт Кюйп (1620–1691) – голландский живописец, специализировавшийся на пейзажах, животных и портретах. Он известен своими залитыми солнцем пейзажами Голландии и безмятежностью изображаемых им животных] и, прежде всего, широкие, широкогрудые богини Рубенса и всех остальных, их белокурые волосы, намотанные на голову, жемчужина в ухе. [Вулф, вероятно, имеет в виду картины, которые он видел в Королевском музее изящных искусств в Антверпене]

Я хочу вечной жизни, вечного обновления, вечной любви – жизненной силы этих бессмертных фигур: Я вижу себя, утопающего, доблестного, между могучими ногами Деметры, богини Земли, вечно расточаемого и наполняемого. Я хочу, чтобы жизнь вливалась и вытекала из меня в могучем ритме забвения и экстаза. На поле во Фракии лежала царица Елена, ее янтарный живот был испещрен солнцем.

Скоро я напишу тебе из Лондона. Там я продолжу свою работу так быстро, как только смогу. До свидания. Храни тебя Бог, моя дорогая. Том

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Понедельник [конец сентября 1926 года]

Дорогой,

В субботу днем я поехала в Плезантвилль и вернулась домой в воскресенье вечером после ужина. У меня был долгий трудный день с художниками, пытавшимися придать моим вещам такой вид, какой я хочу. У меня от природы добрый нрав, и мне постоянно приходится указывать людям, что не так в их работе. Мне это не нравится, я хотела иметь другую профессию. Я сильно простудилась, что со мной случается нечасто, я тоскую по тебе, и при мысли о тебе у меня по лицу текут слезы. Я так сильно хочу к тебе. Я просто не могу поверить, что ты когда-нибудь вернешься ко мне домой, а если и вернешься, то что тогда. Вчера вечером, придя домой, я прочитала три письма, которые получила от тебя с тех пор, как уехала. В последнем ты говоришь, что приедешь, когда я скажу. Я написала тебе, чтобы ты оставался, пока не закончишь свою книгу. Не кажется ли тебе, что это самое мудрое решение? Я часто писала тебе, надеюсь, что не огорчила тебя, что не сказала ничего непонятного. Я только повторяю, что люблю тебя. Я также веду правильный образ жизни. Я стараюсь соответствовать тебе. В свободное от работы время я читаю стихи или какую-нибудь прекрасную книгу. Каждую неделю я езжу с Хелен и Агнес, работаю весь день, готовлю еду и гуляю с ними поздно вечером. На прошлой неделе у нас стояла страшная жара, но сегодня, прохладно. Мне так не терпится получить от тебя весточку, что я завтра же отправляюсь на телеграф. Как ты думаешь, это глупо, так много разговаривать по телефону? Я стараюсь держать себя в порядке, питаюсь аккуратно, а иногда принимаю очень мало пищи. Мне очень хочется молока. Это все, что я ела сегодня, ни кусочка чего-либо другого. Я говорила с моей подругой Флоренс о работе для тебя. Она ничего не может сделать, пока ты сам не приедешь. Я рассказывала тебе о Гилберте Миллере? [Выдающийся театральный режиссер и продюсер. Известен такими постановками, как «Пленница» (1926), «Патриот» (1928), «Огонь свечи» (1929) и «Царство животных» (1932). В период с 1921 по 1965 год он поставил около ста пьес.] Он хотел, чтобы я сразу дала представление, но я не могу, пока не снимут «Укротителя львов». Он пообещал, что потом будет еще один заказ. Я не знаю, почему у меня так тяжело на сердце. Кажется, мне нужно что-то вроде твоей сильной отрешенности. Видишь ли, по какой-то странной причине я больше не могу погружаться в работу. Не хочешь ли ты прислать сюда какую-нибудь книгу, чтобы ее напечатали? Я думала, ты пришлешь набросок, но, несомненно, он тебе нужен для работы. Я схожу с ума от желания прочитать то что ты пишешь. Я пытаюсь представить, какой она будет. Это будет тройная дистилляция Тома. Ты выглядишь так же? Интересно, стригся ли ты? Сделаешь ли ты

это, купишь ли себе теплое зимнее пальто. Сшей одно, красивое длинное коричневое, и еще один костюм, пока ты не вернулся. Как насчет темно-синего двубортного костюма? Но тебе идет коричневый. Я неподвижно лежу в своей постели. Я полностью поглощена мыслями о тебе. Иногда они достигают такой силы, что мое тело почти разрывается на две части. Ты тоже хочешь быть рядом со мной?

Да благословит тебя Господь, дорогой. Храни тебя в здравии и верности – я твоя, пока не умру[.] Алина

Алине Бернштейн

Антверпен, Бельгия

Утро понедельника, 27 сентября [1926 года]

Моя дорогая,

Я только что вернулся в свой номер в здешнем отеле с сумкой, полной шампанского, такое со мной случилось впервые за все время пребывания в Бельгии[.] В кафе нельзя купить алкоголь крепче 10 процентов. Меня привели в небольшой роскошно обставленный винный магазин, где шампанское продается на разлив, их здесь много. Я сидел в мягкой кабинке у стены; все женщины, даже те, что были с мужчинами, смотрели на меня, и не с насмешкой, как они обычно делают. Это был один из тех вечеров, когда я был Богом. Я лихорадочно писал в маленькой записной книжке, которую теперь всегда ношу с собой. [Вулф начал носить с собой маленький карманный блокнот, чтобы сразу же записывать наблюдения или материалы для своей книги[.] Вошла женщина и села в кабинку напротив меня. Вдруг она поманила меня и попросила подойти и сесть рядом с ней. Я подошел. Она медленно и сладострастно шелестела ногами, то скрещивая, то разводя их: на ней было короткое платье без рукавов, из-под которого виднелись волосы под мышками. Она предложила пойти со мной в гостиницу[.] Я заплатил за ее напитки и отправил ее дальше[.] Теперь ты можете думать об этом и злорадствовать; если ты уже нанесла удар ножом в спину, это должно доставить тебе дополнительное удовольствие. (Не бойся – читай дальше).

Если ты пошла на великий бой за приз, я прокляну и возненавижу тебя навеки. В течение многих лет я с жадным интересом следил за этими событиями, в Бостоне я часто ходил туда, сходя с ума от ярости и возбуждения, крича «Христос, Христос, Христос», когда человека валили на пол, и бессознательно нападая на людей вокруг меня, тряся и дергая их.

Поражение и унижение этого грубияна Демпси я разделяю: известие о поражении чемпиона всегда огорчало меня, и, как и раньше, ликующие возгласы спортивных писак о том, что «несколько тысяч модно одетых женщин присутствовали на церемонии коронования нового чемпиона, включая имена многих видных светских персон,» наполняют меня удушливой яростью, а «над мощным ревом обезумевшей от драки толпы слышались пронзительные женские крики, призывавшие претендента продолжать и поскорее расправиться с растерявшимся обладателем титула» – этого достаточно, чтобы выплеснуть мой гнев и горечь в потоке нецензурных оскорблений и ругательств. Раньше, в Бостоне, услышав такое, я ходил по улицам с лицом, пылающим от гнева, и бормотал: «О да, вы, милые сучки. Вы, грязные маленькие шлюхи, сидящие там со своими пакостными мужьями, которые в жизни не нанесли ни одного удара. Да, я знаю вас, ей-богу, вы злорадствуете, видя, как бьют и бьют до бесчувствия молодого человека: вы хотите видеть, как кровь стекает по его лицу и волосам на груди, как верхние зубы вонзаются в губы, как ухо болтается, а носовая кость разбита[.] Я желаю, чтобы все закончилось таким ужасом, чтобы ваши внутренности застыли от страха, и чтобы вы хранили эту картину в памяти до тех пор, пока живы. Я желаю, чтобы он выплюнул свои зубы, некоторые из них вылетели из ринга на ваше платье, я желаю, чтобы его сломанная челюстная кость ужасно молотила перед вами по его синему лицу, чтобы его глаз висел на волоске, чтобы его щека была широко открыта, чтобы его вырвало четвертью крови, и чтобы он упал в обморок, крича

от ужаса и агонии во весь голос, заглушая ваши собственные крики ужаса и испуганный писк маленького пакостника, который был с вами, блевавшего от болезни и испуга. Это научит вас – клянусь Богом!» (Не бойся, я пишу это с опозданием: Я решил отправить это письмо – ты должна узнать меня)[.]

Алине Бернштейн

Лондон

Суббота, 2 октября [1926 года]

Моя дорогая,

Я пишу тебе это за пять минут до полуночи. Еще через пять минут мне исполнится 26 лет, хотя, поскольку я родился за 4000 миль отсюда, в Северной Каролине (и Нью-Йорке) сейчас только шесть часов, когда я пишу. Кроме того, в Англии сегодня в полночь часы переводят на час назад. Наконец, мне сказали, что я родился между девятью часами утра и серединой дня 3 октября 1900 года[.] Это дает мне время до двух или трех часов дня завтра.

Я пробыл в Антверпене до вторника и на один день съездил в Брюгге. В Лондон я вернулся поздно вечером в среду. В Антверпене я впитал в себя великие жестокие вульгарные голландские и фламандские картины, которые я так люблю; там также есть одно чудесное место – великий дом XVI века Никласа Плантина, француза, который приехал в Антверпен и построил одну из самых прекрасных типографий, какие когда-либо знал мир[. Сотни книг, тысячи гравюр, старые печатные станки, шрифты – все это хранится в огромных комнатах, отделанных затхлым деревом[.] Здесь есть Библия, напечатанная параллельными колонками на четырех языках, часословы, классические авторы, великолепные книги по географии с картами, произведения, как и положено всякой географии и чудесным путешествиям, вдохновенного Суеверия. Погрузившись в это место, я, казалось, тоже погрузился вглубь веков и снова жил в том времени, когда создание книги, как и ее написание, было святым трудом.

Я поехал в Брюгге: это старинный город с оживленными, извилистыми улочками, каналами и огромными воздушными колокольнями. Моя комната была маленькой и тесной. Я ненавидел отсутствие пространства, было холодно. Я вернулся в Лондон. Здесь я нашел телеграмму от тебя и письмо; вчера я получил еще одно [письмо], а сегодня два [письма] и телеграмму. Я продержал свою телеграмму до сегодняшнего дня, в честь моего дня рождения.

Я заключен в далеком мире: все вокруг меня проходит как парад фантомов. Люди, которые меня обслуживают, и те, кто имеет со мной самые случайные отношения в магазинах, приветливы и обходительны, но я не могу из этого выйти. Ни с кем и никогда у меня не было ничего общего. От миллионов случайных женщин, которые ходят по улицам Европы, я, наверное, в такой же безопасности, как и от Ее Величества Королевы. В Бельгии я узнал, что больше не могу с ними встречаться. Я говорю тебе, что я буквально и честно одинок 24 часа в сутки. Я разговариваю со многими людьми – в автобусе, в доме, где старик и домохозяйка каждое утро сплетничают со мной, но никто не знает обо мне ничего, и не имеет ни малейшего отношения ко мне.

Я должен покинуть это место[.] Комнаты были сданы на время моего отсутствия женщине, которая приезжает в понедельник; люди хотят, чтобы я занял комнату на верхнем этаже и пользовался их гостиной в подвале, но там меня окружают другие люди. А здесь я совсем один. На следующей неделе я поеду в Оксфорд, чтобы узнать, когда начнется семестр и смогу ли я получить комнату[.]

Дорогая моя, твои письма – единственное, что удерживает меня в этом мире. Я решил писать чаще, не знаю, насколько мне это удастся. Ты – единственная, которая кажется мне существом из плоти и крови: я хочу, чтобы ты поняла, что я живу в каком-то могучем сне, где я много брожу, все исследую и нахожу все нереальным[.] Так проходят мои дни, я вхожу и выхожу из своей комнаты, пишу, падаю на час в кровать, снова пишу, сажусь в автобус, брожу,

брожу, ем. Я все время думаю о тебе, начинаю [писать] письмо, сплю, пишу, дополняю его и, наконец, с ужасом думаю, как оно вообще дойдет до тебя, вдруг вспоминаю, что существуют почтовые марки и странные штуки, называемые кораблями, в которые я не верю[.]

Я перечитал дикое начало этого письма из Антверпена, в котором я писал о своей печали по поводу поражения Демпси. Моя пророческая душа была права, когда говорила мне, что ты уедешь, но я бы не стал тебя ненавидеть, как я сказал, потому что ты уехала.

Я уже оправился от боли, вызванной поражением этого [Демпси] человека: эта вещь – пережиток кембриджских дней, когда я разделял все обстоятельства унижения чемпиона. Не он был побежден, а я сам: я видел, как раз за разом соперник избивал меня до полусмерти на глазах у моей любовницы. Я решил, что должен подняться любой ценой – сначала меня должны убить: я встану ослепленным и изувеченным, пока он не придет в ужас от того, что перед ним чудовище: если бы я мог, я размозил бы ему череп всем, что попадется под руку, разбил бы его интимные места ударом ноги, выколол бы ему глаза большим пальцем или оторвал бы ему ухо зубами. И в час своего поражения я пил каплю за каплей горькую тягу, видя, как меня высмеивают и издеваются все, включая женщину. Я задавался вопросом, действительно ли существует женщина, которая любит избитого мужчину.

От этого я почти сразу перешел к прославлению поражения. Я испытывал огромную жалость к победившему драчуну, к его пустому бахвальству в настоящем, к его чахлому неведению будущего, к его вере в свою свиту и любовницу[.] В такой момент я пришел к полному отпущению грехов по отношению к миру, к паутине, ко всем женщинам. Я испил чашу с ужасной жаждой, ибо вдруг ясно увидел, что всех бьют; что против трагической подноготной жизни всегда бьют, и что в повседневном ведении жизни хорошего человека бьют больше всего. Подумав так, я сразу же опьянел от безмерной жалости ко всему миру: Я воспарил над всеми мелкими распятиями любви, честолюбия, ревности, страха, успеха, я понял совершенно ясно, что все мы прокляты вместе: мы вечно гордые и вечно побежденные; вечно могущественные и вечно поверженные. Стоя вечно в огромной и неугасимой тьме, я увидел человека – крошечное сияние, сверкающий огонек, нелепое мерцание, окруженное огромным воющим хохотом великих невидимых демонов; и ликующий и животный крик прорвался в моем горле, потому что этот огонек был таким крошечным, потому что он не погас и потому что он приобрел дополнительную значимость в этой безмерной тьме. Я понял, что Любовь может уйти, Ненависть, Честолюбие, Гордыня – но этот дух Доблести останется, что мы навсегда побеждены, но перед смертью у нас есть сила восстать и проклясть их.

Я испытывал агонию поражения чаще, чем большинство людей: наверное, я из тех, кого мир любит опускать, потому что они видят, как это больно. Мне всегда было тяжело видеть себя в роли второй скрипки[.] Но в моменты просветления, которых становится на удивление много, я вижу, что меня всегда побеждали, что я никогда не выигрывал[.] Совершенно без злобы и тщеславия, я считаю, что чаще всего меня побеждали более мелкие люди. Все шло впереди меня, вот уже два или три года я принимаю пустой призрак похвалы от нескольких друзей, которые достойно продемонстрировали, что любовь слепа.

Ты знаешь, все это стало возможным. Не думай, что я упал духом или что у меня унылое настроение. Напротив. Я никогда не чувствовал большей силы. Слава Богу, я не христианин, и во мне нет кротости, что бы подставить вторую щеку. Произошло нечто другое: я увидел в себе глубину, до которой никогда не дойти, и тайну, к которой никто не может прикоснуться. Я не гений, не художник и даже не человек с талантом, но раз уж это открыто и честно признано, что еще обо мне могут сказать? Признав это, позволь мне также сказать, что называть меня замечательным и необыкновенным человеком – это дикая и заезженная чушь. Я – чудо. И нет никого, кто был бы способен приблизиться ко мне на расстояние мили.

Знаешь ли ты, моя дорогая, что при написании этой книги, последней, которую я когда-либо напишу, я впервые чувствую себя так, словно бросаю свои силы не в пустой воздух, а на

какой-то предмет. Я сознательно пишу эту книгу для двух или трех человек, в первую очередь для тебя. Нет ни малейшей тени шанса, что ее когда-нибудь опубликуют, если бы я хотел писать продаваемые вещи, я бы так и сделал. Я знаю большинство приемов, но что-то овладевает мной, когда я пишу, я вываливаю свои внутренности на страницу. Я ничего не могу с этим поделать, я пишу, как и любой здравомыслящий человек, для какой-то аудитории, но, к несчастью, моей аудитории никогда не существовало[.]

Но, так или иначе, я очень рад этой книге. Я создаю ее так, как, возможно, создал бы ее один из людей времен Плантагена или как «Анатомию» Бертона. Я знаю, что, в лучшем случае, она рассчитана на двух-трех человек. Но она развивается как огромный богатый спектакль, в котором смешиваются и переплетаются узоры. Это должно стать хорошим чтением для тех двоих или троих.

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Суббота, 2 октября [1926 года]

Мой дорогой,

Сегодня утром я получила твое письмо из Брюсселя, поэтому не стала отсылать обрывок, который написала вчера вечером. Я в «Плейхаусе», закрылась в новой студии. В остальной части здания кипит работа, но здесь тихо. Ты не можешь продолжать в том же духе, считая, что после окончания работы над книгой ты больше не будешь писать. Ты напишешь[,] ты напишешь, если мне понадобится вся моя жизнь, чтобы заставить тебя это сделать. Я вне себя от бессилия достучаться до тебя сейчас. Ты сказала, что книга становится все длиннее, а значит, ты будешь отсутствовать бесконечно долго. Похоже, ты одержим идеей, что мои друзья тебя презирают. Это не так[:] это неправда. Я беспомощна, когда пишу письмо, мне кажется, что я пишу половину того, что хочу. Как я могу изложить боль, которая разрывает меня на две части, стонущую боль от горла идущую вниз? Из твоего письма я почувствовала, что ты отстраняешь меня от себя как реальность, я не могу с этим смириться. Правда ли, что ты предпочитаешь, чтобы я вот так, через океан, писала тебе письма и ничем тебе не мешала? У меня болит сердце. Что касается моего возвращения домой, то что еще я могла сделать? Ты прекрасно знаешь, что я не могла оставаться дольше, я начала думать, что в глубине души ты хотел побыть один, чтобы поработать. Я думаю, это вполне понятно[.] Разве ты забыл, как часто говорил мне, что творческий человек должен быть один? Думаю, ты говорил мне это, когда я тебя раздражала. Дорогой, я просто хочу попытаться найти с тобой взаимопонимание. Я продолжаю жить в слепой надежде, что когда-нибудь мы снова будем вместе. И сейчас, когда я пишу это, я чувствую, какое право я имею навязывать тебе что-то свое. У меня нет никакого права. Мне кажется, я очень устала от жизни. Я почти закончилась как дизайнер, у меня нет никаких идей. Никогда больше не пиши мне, что я лучше тебя. Ты знаешь, что это не так, и не веришь в это. Пусть мы думаем, что находимся на одном уровне, но кто об этом судит. После открытия спектакля я поеду в Нортгемптон к Минне, чтобы попытаться взять себя в руки. Я пугаю тебя этой любовью? Хотела бы я иметь хоть немного мозгов. Меня только что позвали к телефону, это была Терри. Она передает тебе привет. Она хотела, чтобы я пришла к ней сегодня вечером, но я должна остаться здесь на репетицию. Это правда, что мы были в Эмблсайде? Могло ли там быть так чудесно, как я помню? Твоя встреча с Джойсом очень интересна. Почему ты с ним не поговорил? Как ты думаешь, этот молодой человек был его сыном? Я никогда не слышала, что у него есть сын.

Хотела бы я знать, как взять все ценное, что есть у меня в душе, или в разуме, или в существе, назови как угодно, чтобы как-то перелить это и отправить тебе в маленькой бутылочке. Ты мог бы пить по капле время от времени, если бы это было полезно, тогда какой прекрасной и полезной я бы стала. Тебе бы понравилось?

Когда-нибудь ты получишь все, чего так жаждешь в своей писательской деятельности. Я имею в виду, ты получишь признание, которого жаждешь. Ты хочешь, чтобы тебя любили, Бог свидетель, но у меня есть убеждение, что ты не совсем этим доволен. Ты мечтал о ком-то совсем другом. Мне кажется, это только потому, что я не молода, иначе ты был бы счастлив. Постарайся, дорогой, написать мне ответ на это письмо. Если ты чувствуешь, что не хочешь брать на себя никаких обязательств, так и скажи. Ты хочешь просто жить дальше. Хорошо, если так, может быть, я найду какого-нибудь волшебника, который сделает эликсир Алины и пришлет тебе в колбочке. Завтра твой день рождения, что мне делать? Прошло уже сто лет с предыдущего. Элис умоляет меня зайти к ней на Восьмую улицу, но я просто не могу этого сделать. Однажды я пришла туда, но физически не смогла подняться по лестнице. Это было около двух дней назад, в тот день, когда я отправила телеграмму. Как ты можете продолжать писать, что меня, как ты говоришь, покорил кто-то другой. Сегодня я дрожу от усталости и беспокойства. В прошлом году я никогда так не уставала, правда? Может быть, в те ночи, когда заканчивался «Диббук». Больше я себе такого не позволю[.] В этом году с того самого дня, как я покинула тебя, это была постоянная изнурительная работа. Если бы ты только знал, как ясно я вижу тебя, стоящего на вокзале, ты был бледным и таким прекрасным для меня. Я никогда не видела тебя таким бледным. Это было страшное потрясение, но Том, дорогой, ты снова вернешься ко мне. Благослови тебя Господь, я люблю тебя вечно. Алина

Я спала с этим письмом под подушкой всю ночь. Сегодня утром письмо согрето моим сном.

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Вторник, 3 октября [1926 года]

Мой дорогой,

Я собиралась не писать тебе сегодня, но ты так заполнил меня, что я не могу удержаться. Я хотела не писать, потому что каждый раз продолжаю в том же духе, заполняю страницу за страницей стенаниями. Я начала читать, но это было бесполезно, поэтому я отложила книгу и вот я здесь. Я лежу в постели с 9:30 и пытаюсь читать полчаса[.] Вчера вечером я ходила на открытие спектакля Театральной Гильдии «Хуарес и Максимилиан». Это очень скучная пьеса с точки зрения актерского мастерства, но я полагаю, что она будет неплохо читаться. Я купила экземпляр в фойе и оставила его на своем кресле перед возвращением домой. Декорации Саймонсона [Ли Саймонс, сценический дизайнер Театральной Гильдии и участник Совета Директоров Гильдии] очень красивы, но мне сказали, что их строительство обошлось в тысячи [долларов] и с ними почти невозможно справиться. В первый вечер это была обычная Гильдия, все евреи в мире. У тебя получился бы прекрасный погром, ты мог бы перерезать им всем глотки и увидеть, как из них вытекают доллары[.] Я послала тебе телеграмму перед отъездом в Нортгемптон. Ты не ответил. Это первый раз, когда ты не ответил, и меня это задело. Потом я подумала, что, может быть, ты начал возвращаться домой. Интересно, зазвонит ли когда-нибудь телефон, а на другом конце окажешься ты? Он не просто зазвонит, он забудет диким звоном. Но я бы предпочла знать, когда ты приедешь. Я должна встретить тебя на лодке и долго думать об этом. В одном письме ты говорил, что вернешься, когда я скажу. Что ты имеешь в виду? Ты ждешь, что я скажу, или ты ждешь, что решишь сам. Я часами сижу в своей комнате, думаю о тебе и пишу тебе. Это как камера. Тебя никогда не было в этой комнате. Чтобы попасть в нее, мне приходится проходить через одну из комнат прислуги, а мне это не очень нравится. Интересно, что ты делал в свой день рождения? Если завтра от тебя не будет вестей, я снова проведу кабель. Мне кажется, что все в жизни устроено странно и нелепо. Я не вижу выхода из лабиринта. Кажется, я возвращаюсь в свое детское смятение, когда я не могла найти причин ни для чего[.] Я вновь обретаю некую девственность. Разве не может быть второй дев-

ственности, так же как и второго детства? Я смогла день за днем возвращаться к нашему лету, как ты любишь вспоминать свою жизнь. Мне кажется, я вижу еще больше того, что осознавала тогда. Но есть места, освещенные вспышками внутренних молний: однажды ночью, когда я лежала рядом с тобой в Йорке, я посмотрела на тебя во сне и никогда не забуду предчувствие страдания, которое не позволило мне даже протянуть руку, чтобы коснуться тебя. Когда мы впервые зашли в твой паб в Эмблсайде, твое лицо сияло дружелюбием ко всем мужчинам, в тот день, когда мы приехали в Лондон из Глазго, когда мы вернулись домой после поездки с Терри и Филом на озеро. [Тереза Хелберн и Филип Меллер. Миссис Бернштейн написала об этом инциденте в своей книге «Путешествие вниз», глава 2] Помнишь, ты был грустным, мы пошли к тебе в комнату, и я промыла твои глаза, а в первый вечер, когда мы были в Шартре, мы гуляли по одной стороне собора, и ты тогда очень меня любил. Ты даже сказал, что вернешься чтобы быть рядом со мной, ты помнишь это? И в один из последних дней в Лондоне. У меня плохое настроение, прервусь до завтра. Храни тебя Бог, дорогой. Спокойной ночи. Дорогой, уже утро. Прошлой ночью ты мне снился. Мне нужно было пойти к врачу по поводу сережек (смешно?), которые я покупала, где-то на Десятой улице. Ты ждал меня на Четырнадцатой улице, я торопилась, но ноги цеплялись за землю, я едва могла сделать шаг, наконец, позвала прохожих, чтобы они меня подтянули, один мужчина попросил меня вытащить щепку из его глаза, я только посмеялась над ним, наконец, я увидела тебя, возвышающегося в толпе. Ты был одет [в пиджак цвета] хаки. Я только что проснулась, держа обе руки в твоих. Мы снимаем с производства «Глиняную тележку», [«Глиняная тележка», индуистская драма, переведенная с оригинального санскрита Артуром Уильямом Райдером, была возобновлена в театре «Плейхаус» 8 ноября 1926 года. Шоу длилось тридцать девять представлений. Миссис Бернштейн получила множество положительных отзывов критиков за свою работу над этой пьесой] мне приходится многое переделывать, но приятно снова взяться за работу. Хотелось бы, чтобы ты вернулся вовремя и увидел ее. Пьеса откроется 7 ноября и будет идти попеременно с «Укротителем Львов». Это ужасно хорошее развлечение. Поскольку я так рано ложусь спать, я просыпаюсь раньше, чем когда-либо. Я так люблю тебя, прекрасное раннее утро врывается в окно и пытается мне помочь. Хотела бы я знать, как ты себя чувствуешь, не вернулся ли ты к той нервозности, когда я впервые тебя узнала. Со мной тебе было намного лучше. Почему ты меня отпустил? Не может быть, чтобы ты скучал по мне так сильно, как я по тебе. Прости меня за то, что я так тебя люблю. Если ты можешь думать о чем-либо, кроме своей книги, постарайся думать о том, чтобы снова писать пьесы. А вот и мой кофе – да благословит тебя Бог, дорогой.

Алина

Алине Бернштейн

[Лондон]

Воскресенье, 3 октября [1926 года]

Я только что закончил обед в своей комнате, сейчас около 14:30. Завтра мне нужно искать новую квартиру или узнавать насчет Оксфорда. Я не хочу много ходить по городу в течение шести недель. К этому времени я надеюсь написать две самые длинные и трудные книги. Всего их четыре, с предисловием.

Я люблю тебя, моя дорогая: твои письма я ценю превыше всего. Сейчас люди пишут мне гораздо чаще, но я почти никому не пишу. Ты не должна слушать расспросы обо мне от людей, если не уверена, что они действительно мои друзья и не враждебно относятся к моей жизни. Никому и никогда не говори, что я никогда не вернусь: Браун и мисс Сэндс навязывали тебя, чтобы накормить кружок «47-ой Студии», ту группу, где встречаются и занимаются искусством художники, которые не намеренно, а бессознательно порочны – ведь их жизнь основана на искусстве, а они не имеют никакой основы для его понимания и создания. Проклятие янки. Во всяком случае, мне это не грозит[.]

Если моя книга сломается, и я не смогу ее закончить, я не знаю, что буду делать. Я не могу оставаться в Англии и не думаю, что вернусь домой. Выясни у своей подруги, что такое «сдельная работа» и сколько за нее платят. Дай мне знать об этом.

У меня осталось около 600 долларов. Я ни в чем не нуждаюсь. Я заметил в твоём письме нотки благоговения и почтения к визиту Савуара, шумихе в компании и твоему естественному разочарованию из-за того, что ему не понравились твои эскизы. Забудь об этом – самозванство это не волнует. Твои эскизы будут лучше, чем у любого француза, и лучше, чем большинство пьес французов[.]

Алине Бернштейн

[Лондон]

Понедельник, 4 октября [1926 года]

Я пошлю тебе это [письмо] сейчас, когда пойду в «Экспресс». Я только что закончил собирать вещи[.] Сегодня утром я должен покинуть эти комнаты[.] Возможно, сегодня днем я поеду в Оксфорд, чтобы узнать, как там дела, или найду комнату в Лондоне еще на 10 дней. Я отпраздновал свой день рождения, работая весь день. Вчера вечером я отправился в испанский ресторан на Риджент-Стрит и устроил вечеринку. Я заказал бутылку хереса вместе с едой и наполнил второй бокал напротив себя. Официант спросил меня, жду ли я кого-нибудь. Я сказала: «Да, призрака». Он так испугался, что все остальное время не подходил ко мне.

А ты – призрак, моя дорогая, который будет ходить по коридорам моего сердца, пока я жив. Тот узор, который мы плели вместе, неподвижен, абсолютен, как бесконечное время: тот узор, который ты плетешь сейчас, не имеет для меня реальности. Прощай на сегодня; да благословит тебя Бог навеки. Я никогда не говорю тебе жестоких слов в письмах, запомни это. Плохо и неуклюже, потому что так много меня уходит в книгу, я выплескиваю часть себя тебе. Том

Сегодня утром я получил от тебя телеграмму, в которой говорилось, что ты проведешь мой день рождения в уединении. С моей прекрасной доверчивой натурой я представляю, как ты хихикаешь в рукав, когда пишешь эту телеграмму, и читаешь ее под залиvistый смех своих спутников. Но, тем не менее, я все равно люблю тебя и не жду, что ты проведешь время в одиночестве. Больше ты этого не сделаешь. Если бы у меня были здесь друзья, я бы, наверное, увидела их. Это письмо похоже на симфонию, которая начинается со звериных рычащих нот, а заканчивается могучим парящим триумфом. Я хочу, чтобы ты знала, что я чувствую – даже ужасные вещи[.] Хочешь ли ты изменить это во мне?

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Среда, 6 октября [1926 года]

Дорогой,

Я не писала тебе уже четыре дня, с субботы[.] Я хотела подождать, пока смогу написать тебе более веселые письма, но не могу, не могу писать более веселые письма. Твой день рождения пришел и ушел. Я думала о тебе буквально каждую минуту в тот день. Я осталась одна, не ездила в Плезантвилль и весь день была предоставлена сама себе. Утром я гуляла два часа, вернулась домой, пообедала и провела большую часть дня в музее, с египетскими древностями. Поужинала дома, а вечером пошла в театр на репетицию. Я прихожу домой сразу после репетиции вечером, даже не остаюсь, чтобы поесть с моими коллегами. Сразу ложусь в постель и читаю. Я становлюсь крепкой от такой регулярной жизни. Я прихожу домой так часто, как только могу, чтобы поужинать, сразу после этого еду вниз. Завтра вечером мы открываем спектакль «Укротитель львов». Пьеса играется интереснее, чем читается, я думаю, что наша труппа не в состоянии ее сыграть. Дороти замечательно исполняет роль Арабеллы, но это

все. Ни капли восторга и тошноты от бледного состава Кембриджа. Слава Богу, сегодня последняя генеральная репетиция, я не хочу снова сидеть и смотреть, как выглядит парик Дороти, и как мала вероятность того, что Кэрролл – шарманщик. Да, Том, он играет Виконта, человека, который должен был это сделать. Гарольд Мингер уехал в Калифорнию. Декорации и одежда примерно на 65% соответствуют моим стандартам, хотя вчера вечером они достаточно понравились мсье Савуару, чтобы написать мне письмо. Я нашла твое письмо и открытку из Антверпена, когда вернулась домой. С тех пор я получала от тебя известия по телеграфу из Лондона. Ты сделал глупое замечание о моем возможном любовнике. Неужели ты не понимаешь, что у меня не будет любовника? Неужели до твоего сознания еще не дошло, что вся моя сущность посвящена тебе? Я действительно больна любовью к тебе, я не знаю, что делать. В каждом письме ты, кажется, говоришь, что книга будет дописываться все дольше и дольше. Я почти потеряла надежду, что ты когда-нибудь захочешь вернуться ко мне снова[.] Ты пишешь, что любишь меня, и я должна тебе верить. Но мое сердце обманывает меня. Сегодня мне кажется, что я могу разорвать себя на части, сделать что угодно, лишь бы вырваться на свободу. Я мечтаю о цветке лотоса. Меня постоянно мучает вопрос, как мы можем жить вместе, когда между нами столько лет. Если бы не это, я знаю, ты бы не позволил нам разлучиться даже сейчас. Моя тяжелая работа окончена, что же мне делать? Я собиралась больше не писать в таком тоне, но вот, наконец, написала. Видишь ли, это то, что я чувствую все время. Я надеюсь только на то, что твой бродячий дух когда-нибудь снова приведет тебя домой. Я люблю тебя до последней капли своей жизни,

Алина.

В четверг, дорогой, напишу тебе еще завтра, после открытия. Мне нужно уехать в город – люблю тебя.

От Алины Бернштейн

Массачусетс, Чапелбрук

[Суббота, 9 октября 1926 года]

Мой дорогой,

Прилагаю несколько заметок о пьесе, прошедшей вчера утром. В первый вечер она была принята очень хорошо, гораздо лучше, чем того заслуживала игра актеров[.] Но сама пьеса, я думаю, очень хорошее вечернее развлечение. Людям, похоже, понравилась моя работа, по крайней мере, они мне так сказали, но я должна сказать, что это был далеко не триумф. Второй акт, который я нарисовала на изнанке первого, получился неплохо, он смешной и не слишком уродливый. Я ужасно нервничала, но видел бы ты Савуара, он нервничал почти так же. Он не спускался до половины спектакля, а потом слонялся взад-вперед по фойе, пока Элис Льюиссон не притащила его на часть последнего акта. Надеюсь, он остался доволен рецензиями, он немедленно отправляется в Калифорнию. Вчера рано утром я собрала вещи и приехала сюда, чтобы навестить Минну. Место прекрасное, я живу в маленьком домике для гостей, совсем одна, сейчас около 6:30 утра. Вчера вечером я легла спать в девять, я так устала и проспала до шести. В этом маленьком домике холодно, я встала, развела огонь и снова забралась в постель. Как только я смогу выпить кофе, отправлюсь на долгую прогулку. Кажется, что я не дышала с тех пор, как покинул Англию. Сегодня самый разгар периода буйного цветения деревьев. Я никогда не видела ничего подобного, такого золотого и такого алого цвета. Небо серое, все цвета на нем прекрасны. Но что они мне без тебя? Хотела бы я, чтобы ты увидел эту комнату, раньше здесь была кузница. Она сделана из больших сосновых балок медового цвета, здесь есть кровать длиной в семь футов, встроенная в окно, выходящее на сад и холмы за ним. Я пошла одеваться и завтракать. Вчера мы совершили долгую автомобильную поездку по [...]

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Воскресенье, 11:30 вечера, 10 октября [1926 года]

Мой дорогой,

Я намеревалась сегодня ехать домой полуночным поездом, но решила, что это слишком неудобно, поэтому села на поезд в 5:30 и приехал в Нью-Йорк после десяти. Я просто не могла смириться с мыслью о спальном вагоне. Я была всего два дня в деревне, но они были прекрасными, холодными и яркими, у меня было две ночи отдыха. За последнюю неделю я практически не спала. Ты знаешь, как это бывает со мной перед премьерой. Я только что позвонил в театр. Хелен Артур сказала мне, что спектакль продается великолепно, сегодня вечером было 50 человек (где они стояли, я не знаю), и на следующей неделе все будет распродано. Хотя вряд ли это удастся. Дороти стала хитом, она так счастлива, мы все счастливы, она действительно очень милый человек. Я не написала тебе, что Морис Вертхайм на нашем открытии сказал мне, что ему было очень весело в тот день, когда мы обедали в таверне «Старый петух». Он был чрезвычайно заинтересован в тебе и хотел, чтобы я договорилась с тобой об ужине в этом же составе, но я сказала ему, что тебя здесь нет, и пообещала сообщить, как только ты вернешься. И еще о твоих пьесах и Алисе Льюиссон. Я послала ей записку с просьбой прислать их. Она прочла их и спросила, не может ли она оставить их у себя еще на некоторое время, чтобы прочесть снова, так как они ее очень заинтересовали[.] Я сказала, что она может взять их на некоторое время. Мне бы хотелось, чтобы ты был здесь и сам поговорил с ней об этом. Ты знаешь, я всегда боюсь сказать тебе что-нибудь о твоих произведениях. Кажется, я никогда не бываю права, но послушай, пожалуйста, постарайся сделать свою книгу не слишком длинной для публикации. Сначала напиши столько, сколько захочешь, потом принеси ее домой и дай нам увидеться с людьми, а потом, возможно, доработаешь ее до пригодной для публикации длины. Разве это плохо? Я так боюсь, что ты не поймешь, что я пишу, или, скорее, что я пишу непонятно, или что, возможно, тебе не понравится то, что я скажу. А еще мне хочется, чтобы ты закончил [книгу] и снова взялся за написание пьес. Ты должен. Это единственное, что удовлетворяет тебя. Я знаю, что в конце концов ты с ними справишься. Я бы хотела работать с тобой. Но у меня ничего не получается. Я прочитала «Добро пожаловать в наш город» (ты разрешил мне взять копию). Это замечательное произведение. Я хочу поговорить с тобой об этом, и не могу сделать это на бумаге. Кажется, я считаю само собой разумеющимся, что ты вернешься. Вернешься ли ты? Это величайший дар в мире – писать. Я бы отдала свои уши, чтобы иметь такую возможность. Все, что я могу сделать, это очень любить писателя. Недалеко от Минны, на холме, с которого открывается вид на тихую долину, продается очаровательное местечко – 40 акров, милый домик, благородные деревья, хорошее место для работы. Но не в середине зимы. Сегодня утром здесь было как в сказочной стране: деревья сияли, а земля покрылась пурпурными астрами, красными и золотыми листьями. Я принесла домой несколько листьев и прикрепила их к листу бумаги. Может быть, я pošлю их тебе. Я чувствую себя немного лучше после визита, но тоска по тебе не утихает ни на минуту. Она продолжается и продолжается. Я в безнадежном тумане. Мое сердце замирает каждый раз, когда звонит телефон, я думаю, может быть, это ты, возвращаешься в одном из своих диких порывов. Но это, конечно, не ты. Всегда звонят из Кати, или из театра, или от секретаря мистера Эймса. Спокойной ночи, дорогой, всего тебе самого доброго на свете. Алина

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

[Октябрь 1926 года]

Мой дорогой,

Я нахожусь в таком ужасном состоянии духа, что не решаюсь написать тебе. Сегодня утром я получила твое длинное письмо из Бельгии, а затем из Англии. Ты совершенно ясно

говоришь мне, что я для тебя призрак и что ты не вернешься в Америку. Я пытаюсь представить себе возможность жизни без тебя, и не могу. Из твоего письма я поняла, что у тебя нет ни желания, ни мысли о каком-либо союзе со мной. Я перечитала твое письмо три раза, и вот что я о нем думаю. Я прошла весь путь от дома до «Плейхауса», остановилась в парке, чтобы еще раз перечитать, и чуть не взвизгнула от смеха, когда ты написал, что любишь меня. Я буду держаться изо всех сил, пока не закончу твою книгу, а потом уйду из жизни как можно тише. Я еще напишу, я уже полумертвая, ты – моя дорогая любовь [...] Алина.

Алине Бернштейн

Лондон

14 октября 1926 года

Моя дорогая,

Сегодня я получил от тебя два письма: одно было запиской на одной странице. На днях я получил от тебя телеграмму.

Я переехала в Блумсбери из Челси 10 дней назад: Я живу на Гоуэр-стрит, 57; у меня огромная комната, много мебели, красные занавески на кровати, гипсовые статуи под стеклом, гравюры о Крымской войне – но есть место для движения. Я хорошо поработал.

Я расскажу тебе, как я себя чувствую. Я хожу в пижаме примерно до часу дня, когда иду в «Экспресс». Я пишу по утрам, после обеда и пива мне тяжело; я брожу по книжным магазинам на Чаринг-Кросс-Роуд до четырех или пяти. Возвращаюсь домой, пью чай[,] с шести до восьми или девяти работаю. Потом я ем и пью. После этого я работаю с 11 или 12 до часу.

В твоих письмах описывается желание иметь меня, а затем ты добавляешь, как будто хочешь, чтобы я это отрицал: «Но, возможно, тебе там лучше[.]». Я утопленник; я почти не способен к действию; я супер-Гамлет, зажатый под тяжестью своего собственного прядения; я живу под водой, я постоянно думаю о тебе, я не знаю, как мне выбраться[.] Я намеревался поехать в Оксфорд на прошлой неделе; думаю, что поеду в конце этой.

Сегодня я выпил много виски – впервые за долгое время. Твое письмо взволновало меня; вчера вечером в пабе два мошенника из Сохо пытались меня обработать, не решаясь перейти к прямому оскорблению, и уклоняясь от него. Один, маленький человечек, притворился пьяным; он угрюмо представился мне, а потом похвастался, что умеет читать характер, что он френолог. Его игра, сказала мне женщина-общественник, заключалась в том, чтобы возбудить любопытство, намекнув на какие-то необычные черты характера, и повести туда, куда он захочет, в какое-нибудь заведение в Сохо, о котором он говорил. Он продолжал делать намеки и обещания, пока я не сказал ему, что любое пророчество ему лучше делать для себя и про себя: я не потерплю наглости. Тогда он стал очень вкрадчивым и сказал, что видит во мне лицо человека, который никогда не нарушит своего слова: [Вместо этого?] он вместе с огромным грубияном попытался уговорить меня пойти в знакомое им место и выпить; это было уже после закрытия. Я размышлял об этом сегодня и начал пить раньше: Я трижды заходил в паб, разыскивая их, и если они еще раз подойдут ко мне, я с ними покончу[.] В результате сегодня вечером, разгоряченный виски, я ждал их, а они не пришли: Я набросился на троих мужчин, выходявших из заведения, с силой налетел на последнего у дверей, а другого схватил за руку и погнал к киоску с фруктами, где купил ему грушу – нелепое детское поведение, которое наполняет меня стыдом и отвращением к самому себе. Твои письма почти сплошь прекрасны и нежны, их портят, как мне кажется, случайные насмешки: «Когда я пишу это, слезы текут по моим щекам», «Я ненавижу сцену – но что мне еще остается делать?», «Мои замыслы прогнили – как бы я хотела писать. Это единственное занятие», «Я утешаю себя мыслями о том, как прекрасно ты поступаешь», «Почти каждый вечер я ложусь в постель к десяти часам, читаю стихи или какую-нибудь прекрасную книгу» – говорю тебе, еврейка, эта «прекрасная книга» меня доконала. В ней было слишком много смеха и презрения. Сегодня утром я получил твою

телеграмму – ты сказала, что безнадежна и устала. Мой дорогая еврейка, моя жизнь – твоя. Я удерживаюсь от подчинения, потому что иногда мне кажется, что за десять дней, прошедших между написанием и отправкой этого письма, в него вкрался обман. Но в глубине души я верю в тебя. Сегодня я ужасно подавлен. Установилась дождливая погода; постоянно моросит свинцовый дождь – Лондон окутан туманом и дымкой[.]

С тех пор как ты уехала, я написал более 60000 слов из книги, которая может составить почти 200000[.] Сегодня утром я отправил тебе длинное письмо, в котором сказал, что вернусь без жалоб, когда ты захочешь. Теперь я думаю, что завтра поеду в Оксфорд, по возможности останусь там на месяц и сделаю все, что смогу. Потом я хотел бы съездить на несколько дней в Германию. Не знаю. Знаю только, что хочу поскорее приняться за книгу. Твои письма о Нью-Йорке удручили меня, я обнаружил, что даже легкие обещания работы в кино прошли путь большинства легких обещаний и поблекли. Когда я прошу тебя что-то узнать. Когда я закончу книгу, я хочу как-то зарабатывать на жизнь[.]

Полагаю, нам предстоит выяснить, сможем ли мы быть вместе и при этом работать. Сегодня я так утсал, что не знаю, куда обратиться. Твои письма – единственное, что у меня осталось, я оборвал все; а ваши письма почти вынули из меня сердце[.] Я не против быть у кого-нибудь на службе, если только я могу оказать верную услугу; я могу держать голову, если буду писать честно и усердно по четыре-пять часов в день[.]

Алине Бернштейн

[Лондон]

Суббота, 16 октября 1926 года

Я заканчиваю это [письмо] сегодня в 11:30. Завтра днем я уезжаю в Оксфорд, где проведу, надеюсь, месяц. Сегодня я поднял в этом доме Ад: я обнаружил, что две маленькие служанки, которые забегали в мою комнату каждые 15 минут с тех пор, как я здесь, вчера утром молча сидели за моей дверью. Я уложил их и отправил по своим делам. Я потребовал свой счет, они дали мне его на целую неделю, неделя закончится только в понедельник; старуха, носящая имя Брундел, сказала, что я обещал предупредить ее за пару дней, чего я не помню[.] Я осудил ее за то, что она не положила чистое белье на мою постель, что, как я заставил горничную признаться, делается раз в неделю[.] Я горячо говорил о чести и справедливости, заметил, что я чужак в чужой стране, но буду отстаивать правоту до последнего, а потом громко заявил, что с меня хватит, что им не стоит больше опасаться неприятностей, но что я говорил из принципа, а не ради постельного белья[.]

Сегодня утром я получил от тебя письмо и телеграмму. В телеграмме ты просишь меня остаться, пока не будет закончена книга. Книга не будет закончена в течение нескольких месяцев, но я буду продвигаться изо всех сил[.]

Ты говорила о том, что осталась в одиночестве на мой день рождения. Моя дорогая еврейка, я остаюсь один от утра до ночи каждый проклятый день[.] хотя о других днях, когда ты беспечно болтаешь со своей свитой[.] ты ничего не говоришь. Мне все равно. Встряхни своими седыми локонами и покачайся. Я не жду, что ты будешь одна[.]

Ты говоришь, что я не верю, что я лучше тебя. «Давай скажем, что мы равны», – самодовольно заявляешь ты. Но ты прекрасно знаешь, что выглядишь благородно, умоляешь меня с доверительной преданностью и так далее, когда твои друзья говорят тебе, насколько я недостоин. Но, будьте вы все прокляты, я буду наслаждаться своим смирением. «Ты говоришь, что любишь меня, значит, я должен тебе верить», – патетически замечаешь ты. Почему же, раны Божьи, Его печень и Его кишки, я вырвал свое проклятое сердце из оков, я поднес его тебе с дымящейся кровью; я разворошил мои внутренности, сосчитал мой медленный пульс, перегнал для тебя мой мозг[.] И вот ты «больна любовью ко мне[.]». Не является ли это, еврейка, просто способом сказать, что ты хочешь держать меня на верху крана? Ты ни от чего не отка-

залась; ты жаждала меня в тайне; я отдал тебе тикающие минуты своей жизни, и все это никогда не весило так много, как пара оборчатых кальсон, парик, цветистая жилетка для твоего мужчины Кэрролла; комната и платья для спектакля.

Воскресное утро

Сегодня днем я еду в Оксфорд. Выглянуло солнце. Я не хочу делать ничего безвкусного, ничего подлого, ничего обычного.

Алине Бернштейн

Оксфорд

Среда, 20 октября, 1926 года

Моя дорогая,

Я приехал в Оксфорд в воскресенье днем; с тех пор я остаюсь здесь, на Хай-Стрит, в таверне «Митр», известном старом и прохладном месте[.] Семестр только что начался; по всей Хай-Стрит, в колледжах и за их пределами кишат яблочно-щекастые мальчишки. Я чувствую себя очень старым – никогда больше не смогу участвовать в этом. Я отправился на поиски комнат. Те, что я находил, были далеко, убогие, холодные, унылые – там очень мало угля. Вчера я нашел это место – оно называется «Ферма Хиллтоп»; находится в 20 минутах ходьбы от центра Оксфорда, но как будто за городом, в благородной аллее деревьев, по бокам от зеленых игровых полей. Дом – прекрасная резиденция; у меня есть гостиная и спальня – обе великолепные – я получаю завтрак и ужин по вечерам за 3:10 в неделю[.]

Алине Бернштейн

[Оксфорд]

Утро четверга, 21 октября 1926 года

Сейчас я расположился в своей гостиной, в решетке горит веселый огонь. Погода здесь сырая и холодная, были сильные морозы. Прошлой ночью светила луна, а сегодня идет дождь, над всем стелется туман. Сейчас я еду в город на почту, чтобы узнать, нет ли от тебя писем. Получила ли ты от меня телеграмму о том, что мой адрес до дальнейшего уведомления – *Poste Restante, Oxford*. Я получил от тебя одно письмо, в котором ты просила меня закончить книгу до моего возвращения. Боюсь, моя дорогая, пройдет несколько месяцев, прежде чем книга будет закончена[.] Я хочу остаться здесь на месяц и работать как проклятый. К тому времени я надеюсь перенести на бумагу примерно три части из четырех, но одна из них – введение, которое будет сравнительно коротким. Я почти закончил третью часть; и в процессе работы над первой. Я почти уверен, что с тех пор, как ты уехала, я сделал больше работы, чем большинство оксфордских мальчиков сделают за весь год[.]

В «Митре» я встретил больше людей, с тех пор, как ты уехала, но ни одной женщины. Мальчики находятся под строгой охраной, им приходится находиться там по ночам; заведение контролируется университетскими прокторами. Сегодня сюда приезжает молодой англичанин, который служил во время войны и вернулся нескольких месяцев назад[.] Он снял здесь комнату, думаю, он хороший малый, и, возможно, составит мне компанию. Я познакомился с несколькими студентами и несколькими американцами. Один из них – молодой нью-йоркский еврей; он мой ровесник, сказал мне, что он один из помощников окружного прокурора. Он благоговел перед английским дворянством; у него было тайное желание всех евреев – быть джентльменами; у него были рекомендательные письма к одному из донов и некоторым студентам. Он скрыл от меня свое имя, но перед отъездом передал его через маленького мальчика в гостинице – Берг. Но он был добр и порядочен; он хотел провести меня по местам, которые он открыл. Я пошел с ним. Он, наверное, острый, как гильотина, и добьется огромного успеха в юриспруденции[.]

Оксфорд, конечно, прекрасное место, но Англия – грустная, холодная, безысходная страна. После того как я уеду отсюда, я, возможно, вернусь на некоторое время к ненавистным и ненавидящим меня французам. Мне понравилась их еда, вино и мишура. Полагаю, мое благоговение перед святой землей ослабевает по мере того, как я становлюсь старше и злее. Я надеялся увидеть на улицах Оксфорда пылающие лица будущих Шелли и Кольриджей, но они очень похожи на людей из Гарварда и Йейля, только моложе, свежее и невиннее. Все они носят что-то вроде униформы – светлые мешковатые фланелевые брюки серого цвета, темные пальто, полосатые рубашки с воротничками. Боюсь, что и их идеи при ближайшем рассмотрении окажутся одетыми в униформу из мешковатой серой фланели. Ведь именно это, похоже, все и означает. Они находятся здесь двадцать четыре недели в году в течение трех лет – примерно 18 месяцев. Утром, если есть силы, они идут на лекцию, после обеда играют в игры и пьют чай, а после чая читают до семи часов[.] Ночь отводится на совместный прием пищи в зале, болтовню и визиты. Предполагается, что все это окутывает их таинственным очарованием, придает им утонченную современную мудрость, наделяет их крестом. Я наблюдал за некоторыми из здешних американских студентов – они благоговейно подчиняются всем ограничениям жизни, замолкают и стараются быть как можно более непохожими на себя[.] Никто, кажется, еще не задумывался о возможности стать цивилизованным человеком у себя дома, а между тем у нас есть, как мне кажется, все, из чего должна состоять цивилизация – изобилие, водопровод, тепло, свет, комфорт – мерзкие маленькие люди над этим насмеются, но прекрасные люди, как прекрасные лошади, нуждаются в них – даже в водопроводе[.] Кроме того, когда у кого-нибудь из наших людей есть идеи, мне кажется, они быстрее, вернее и менее избитыми[.] Я отсутствовал четыре месяца, интересно, сколько еще я пробуду за границей[.] Смогла ли ты, среди своих несчастий, выполнить то единственное маленькое поручение, о котором я тебя просил, а именно – получить от мисс Льюиссон без разговоров мои пьесы? Смогла ли ты понять, что меня тошнит каждый раз, когда я думаю о них в сочетании с довольно интересным лицом рептилии, я больше не хочу, чтобы они загрязняли воздух рядом с этой необычной, чувствительной, хотя и несколько невнятной [женщиной], потому что она должна сказать, так необычно? Ты этого не сделала, но, пожалуйста, сделай. Вспомни, как накануне вечером ты, думая, что меня нет дома, солгала мне о своих делах? Ты сказала, что допоздна работала в «Плейхаусе». Я солгал тебе в ответ и сказал, что позвонил туда и мне сказали, что тебя не было несколько часов? Помнишь, как ты тогда расплакалась и сказала, что была у Айрин, где, как я полагаю, сидела в углу и разговаривала с ее бабушкой, пока все остальные играли в шашки, домино и прятки? В половине первого подали тосты с молоком и бутерброды с сыром, и счастливая компания рассосалась. Более того, ты пришла после моего звонка.

Я думал обо всем этом на днях, но без злобы. Неужели надо мной будут смеяться за то, что я в 25 лет очистил свое сердце и принял монашеский сан ради отъявленной распутницы? (Я сказал «будут» – я не верю, что это так). Я не знаю. И это не имеет значения, как когда-то. Я стал лучше, чем был: люди отдали свою величайшую веру мифу. Мне не стыдно признаться в любви к тебе и в вере в тебя. Никто не сможет одержать надо мной победу.

Я был в городе и нашел два письма от тебя – одно из дома твоего друга в Массачусетсе, другое из Нью-Йорка, с извещением о спектакле, которое я прочту позже. Я рад, что все прошло хорошо и что они похвалили твою работу. Я знал, что твоя роль будет хороша, во всяком случае, не хуже. Я рад, что ты снова встала на ноги. Это дает мне дополнительный стимул продолжать работу. Ты права: я должен остаться, пока не закончу книгу, и я останусь, даже если это займет еще восемь месяцев. Я заметил, что ты написала Элис Льюиссон, чтобы получить мою пьесу, и что она попросила «оставить» ее еще на несколько дней. Ты прекрасно знаешь, что эта женщина никогда не читала ее, у нее нет никаких намерений относительно нее, и никогда не было, и далее, что я не писал, намекая на то, чтобы ты облегчила переговоры, но исключительно и просто, исключительно и просто, исключительно и просто, чтобы

получить ее обратно[.] Поскольку твое собственное робкое поведение показывает мне только, нелояльное и полусерьезное пренебрежение к попыткам вернуть пьесу, я беру дело в свои руки и напишу ей. Я попрошу Карлтона, который на меньшей должности, но, как я полагаю, будет более адекватен в исполнении, чем Громкоговорители. Ты должна знать, что неудача с моими пьесами, даже для того, чтобы получить читку, отвратила меня от дальнейших попыток. Боже милостивый, неужели у тебя не хватит доброты и порядочности воздержаться от того, чтобы снова писать мне о них, со слюнявыми общими словами о «продолжении», «в конце концов», «замечательно написано». Должен ли я испытывать депрессию и беспомощную тошноту, когда пытаюсь забыть их? Что касается моей книги, ты туманно говоришь, что мы «возьмем ее с собой». Да, как брали пьесы. Я признал, что они были неудачными, что я был неудачником как писатель; я сказал тебе, что готов с этим смириться. Пьесу, о которой ты упомянула, я написал четыре года назад. С тех пор я ничего не делал – никто никогда не видел в ней ничего другого[.] Черт с ней, молчите об этом. Если я осознал свою несостоятельность, то обязан этим признанием твоей помощи – это хорошо для меня: конечно, ты должна понимать, что чем скорее я выйду из этого состояния, тем лучше. Если это повторится, я уеду в Париж.

Алине Бернштейн

[Оксфорд]

Понедельник, 25 октября 1926 года

Моя дорогая,

Я не вычеркну ни слова из своих отвратительных бредней. Они – часть дьявольской структуры моей души, ты узнаешь меня как получудовище, которым я являюсь. Я искренне люблю тебя, моя дорогая еврейка, в темной пустыне мое сердце: ты вонзаешься в него, как шип[.] На днях я вспомнил, как мы обедали у Скотта на Пикадилли: это было за день или два до твоего отъезда домой – я довел тебя до слез, ты не могла остановиться, и нам пришлось уйти. Твой нос стал красным и большим: я часто вспоминал об этом. Там я вижу тебя так же ясно, как и везде: Я говорил тебе, что мои фурии вернутся, чтобы мучить меня[.] Возможно, Бог поступит со мной так же, как с Орестом, превратит духов мщения в добрых демонов, но только после периода очищения. Я думаю, что сейчас я прохожу через это. Твой инстинкт был верным, когда ты советовала мне остаться в Англии. Видит Бог, их порок – грязное и мрачное дело, а у их милых женщин длинные зубы или вставные челюсти, красные обветренные щеки. Мои способности к сопротивлению никогда не испытывались. Я удивляюсь, как они добывают огонь для рождения детей. Приключения студентов выглядят достаточно уныло: тайком договориться с ухмыляющейся девушкой портнихой с холодными потрескавшимися руками. У этих людей великолепное чувство ритуала – костюмы для занятий, ужин в колледже, часы и традиционные правила, но никакого комфорта. У нас есть комфорт, но нет ритуала. Так, у них есть ритуал с ростбифом и брюссельской капустой, но и говядина, и капуста безвкусны. В этом месте еда великолепна: каждый вечер я ужинаю в своей гостиной. Я покупаю все больше книг, вот некоторые из них: маленькие книжки поэзии Томаса Кэмпбелла, Марвелла, Сассуна, Бландена, Дэвиса, Гилберта Мюррея; маленькие греческие и латинские тексты – «Алькестис», «Жития» Корнелия Непоса, Овидий, маленькие книжки по греческой и латинской античности[.] [Томас Кэмпбелл (1567-1620) специализировался на песенной лирике на английском и латинском языках; Эндрю Марвелл (1621-1678) был поэтом и сатириком; Зигфрид Сассун (1886-1967) наиболее известен ироническим отношением к войне в своей поэзии; Джон Дэвис (1569-1626), елизаветинский поэт, наиболее известен своими «гуллиновыми» сонетами и интеллектуальными стихами в «Nosce Teipsum» и «Orchestra»; Гилберт Мюррей (1866-1957) перевел многие греческой драмы, которыми так восхищался Вулф; «Алькестис» Еврипида; Корнелий Непос, римский историк, писал в I веке до нашей эры; Овидий, латинский поэт, первый век нашей эры, наиболее известен по «Метаморфозам»] После обеда я провожу пару часов в книжных

магазинах. Я постоянно пишу, но в день могу написать только около 1500 слов. Если я пробуду здесь месяц, у меня будет более 100 000 слов – больше, чем в среднем романе; но конец не виден.

Сегодня я получил твою телеграмму, в которой ты спрашиваешь, счастлив ли я здесь, ты говоришь, что верна мне. Ты, кажется, благородно бросаешь мне это, как будто сохраняешь себя от отчаянного соблазна и чище моей пустыни. Не думаешь ли ты, что если я могу сохранять стойкость в этом глубоком сером одиночестве, то и ты, окруженная теплом, уютом, волнением работы и друзьями, можешь вернуться в таком же виде? Или ты сомневаешься во мне, когда я рассказываю простую и честную историю. Я знаю, это зависит от нынешней структуры твоего сердца: ты будешь утверждать или отрицать меня только после того, как утвердишь или предашь себя. Я непобедим в сражении, верю в свою победу над всякой утраченной верой: ты дала мне это, и этого у меня не отнять. О великий потерянный демон моей юности, дикий мальчишка, бродящий по таинственным морям, странный искатель заколдованных берегов, я брожу вокруг серых стен моего дома, чтобы найти тебя. Где яблоня, пение и золото? Где лунные ноги бегущих девушек, аркадские луга, козлиные копыта и мелькающие лица в зарослях? Я буду петь о нем и праздновать свою печаль; я буду взывать к нему, над всеми громко смеясь, ибо он был богоподобен, вера в него была безмерна, бесконечная красота висела в его глазах, как фонари, и его больше нет.

Все люди должны потерять бога, чтобы обрести замок.

Прощай, еврейка. С ужасом вспоминаю, что прошло уже три недели с тех пор, как я писал тебе. Не считаешь ли ты это признаком моей растущей слабости? О, но я говорю с тобой сейчас и имманентно, как пишу; море слишком широко, слишком глубоко, слишком темно, чтобы я мог когда-нибудь дотянуться до тебя своими словами. Я думаю, ложась спать здесь в зловещую полночь, когда наступает темнота, начинается веселье, на небе вспыхивают огни, и женщины, роковые, лживые, шелковые, с мягкой грудью, обтянутой подушкой, просыпаются от вожделения. А пока, моя дорогая еврейка, кожура этого вращающегося апельсина катится сквозь пустынную вечность. Я кручусь день за днем, сжигаемый до пламени своей страстью, бросая назад свои молитвы, которые могли бы дотянуться до Бога, если бы он был там и помнил о нас, до абсолютного и вечного Бога, который никогда не может быть в пяти часах от нас. Ищу истину, отчаянно спрятанную за голодной плотью сорокалетних; веру, соревнующуюся с дудочками джаза, три строчки в утренней прессе, тысячу иголок твоего мира. Я бы поехал в Китай, и между нашими размышлениями прошел бы день, но что такое день? И где умирает вера? Где погибает сердце? Когда женщина поднимает юбку за дверью, с хрюканьем и бурлением живота. Клянусь Богом, я говорю, что это хорошо, ибо поэзия должна жить, хороший человек говорить, высокая страстная мысль выживать, сквозь огромную тонкую маску клоуна. Христос и Галахад для этого не подойдут. Я вызываю могучего Сократа – пузатого Силенуса, подобного Сократу, принца [берегов?], бога людей.

Алине Бернштейн

[Оксфорд]

Вторник, 25 октября 1926 года

Да поможет мне Бог, я пошлю это [письмо] тебе сегодня. Сейчас четыре минуты первого на моих каминных часах – я собираюсь в город за почтой, едой и книгой или двумя. Я пишу с десяти часов. Ты, вероятно, еще не встала с постели – сейчас восемь часов. Возможно, ты уже выходишь из дома, принимаешь ванну и завязываешь волосы. Что же мне делать? Я не могу закончить раньше, чем закончу, то есть я работаю неумолимо, но я могу набросать это [письмо]. Я люблю тебя, моя дорогая. Думаю, ты это знаешь. Иди своей дорогой: поступай согласно своему Богу и своему сердцу. Ты лучше и больше меня – я никогда не забуду тебя и не буду презирать. Да благословит тебя Господь. Напиши мне, когда получишь это [письмо] – Том

Алине Бернштейн

[Оксфорд]

Среда, 26 октября 1926 года, 1:15 ночи

Я ухожу. Я собрал страницы и прочитал их. Некоторые из них ужасны, но так ты меня узнаешь. И люди идут по последнему слову[.] Вот оно: Я люблю тебя.

Я получил от тебя письмо и короткую записку, в которой ты подтверждаешь получение моего длинного письма. Ты угрожаешь и говоришь, что «взвизгнула от смеха», когда я сказал, что люблю тебя. Во имя Господа, будь честна. Ты никогда не поступала со мной честно, игнорируя смысл моих писем, чтобы донести свою точку зрения. Чего, во имя Христа, ты хочешь? Неужели ты думаешь, что я остаюсь здесь по собственному желанию? Если ты хочешь, чтобы я вернулся, и веришь, что я могу там работать, говори, как порядочная честная женщина[.] Я не пытаюсь задеть тебя – моя жизнь потеряна, я не знаю, куда обратиться – ты неопределенно дразнишь меня, говоря, что я «должен» писать больше пьес[.] Ты хочешь свести меня с ума? Я умру без твоей любви, но, черт возьми, разве ты не видишь, что я умру, если у меня больше ничего не будет! Разве ты не видишь, что я должен держать себя в руках? Думаешь, ты будешь играть на моей идиотской непрактичности? Но ты женщина из мира – ради Бога, говоришь о приличных вещах. Что я могу сделать? Почему ты не только искажаешь, но и лжешь в каждом письме о том, что я говорил. Я никогда не говорил, что никогда не буду [уклоняться от доверия]. Ты нарочно это придумала. Ради Бога, подражай моей честности, а не роскоши – говори и будь достойна, как порядочная честная женщина. Ты хочешь, чтобы я вернулся? В этом письме часть моего сердца. Теперь я удивляюсь, как много в нем твоего. Я люблю тебя. «Визжи» над этим [письмом].

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Четверг, 21 октября [1926 года]

Мой дорогой,

Я так счастлива, что ты в Оксфорде. Я думаю о тебе там, в этом прекрасном месте, думаю, приятная ли у тебя комната и хорошая ли еда. Холодно ли сейчас? Деревья окрашиваются в такие чудесные цвета, как здесь? Эта осень была триумфальной, а сейчас наступил бронзовый век. Нью-Йорк забит людьми до отказа, все улицы разрыты, чтобы проложить новое метро, людям негде ходить и ездить. Тебе кажется ужасным возвращаться сюда, но это грандиозно. Мне бы хотелось, чтобы ты написал о Нью-Йорке. Мне кажется, что он полностью перестраивается, очень мало осталось от того, что было здесь десять лет назад. Это слишком много для меня с тех пор, как я вернулась домой, я не могу выносить объективную жизнь в таком количестве. Весь день я думаю только о том, чтобы подняться в свою комнату, ничего не делать, и ни с кем не договариваться. Я помню, как однажды в Лондоне ты сказала мне язвительным тоном, что мне нравится доводить дела до конца. К сожалению, это 75 % моей работы. Дизайн – это малая часть, я устала от него. Я вернулась к необходимости, как только приплыла, эта [работа] требует максимальных усилий, чтобы продолжать в том же духе. Я хочу какое-то время вести задумчивую жизнь, разве не прекрасно было, когда мы были вместе в Эмблсайде. Целыми днями бесчисленные вещи напоминают мне о тебе с колющей реальностью. Я часто прохожу мимо старого отеля «Альберт», спускаясь в «Плейхаус». Эти места вызывают у меня самые яркие ассоциации. Я не могу поверить, что ты не воплотишься в жизнь, когда я так сильно хочу тебя увидеть. Я хочу, чтобы ты был здесь, чтобы ты закончил книгу и снова писал пьесы. Ты никогда больше не должен говорить, что больше не будешь писать. Это самый небесный дар, я так тебе завидую, я приложу все свои силы и всю свою любовь к тебе, чтобы продолжал писать. Я постараюсь бросить то, что делаю, и попробовать себя в каком-нибудь другом

деле – что толку в дизайнере сцены? Хелен Артур очень плохо себя чувствует с воскресенья. Сегодня вечером мы отвезли ее в больницу для наблюдения. Это очень странно, она спит с вечера воскресенья, и мы не можем ее разбудить. Изредка она просыпается, чтобы поесть, а потом засыпает. Ни один врач, похоже, не может выяснить, что это такое, у нее нет ни одного из симптомов сонной болезни, мы все так волнуемся, это так странно. У нее ничего не болит, она только говорит, что ее голова и руки не принадлежат ей. Лиш, Агнес и я по очереди ухаживаем за ней. Разве это не странно? Том, дорогой, я люблю тебя и живу, чтобы увидеть тебя снова. Я не пугаю тебя, когда пишу о своих чувствах?

Да благословит тебя Господь, мой дорогой,

Алина

Сегодня доброе утро. У нас прекрасные дни. Ты знаешь, как прекрасен здесь октябрь. Холодно и ясно, а иногда все покрывается тонкой теплой дымкой. Я очень много гуляю. Все в восторге от приезда королевы Марии. [Королева Мария Румынская, супруга короля Фердинанда, прибыла в Нью-Йорк на борту лайнера Левиафан 19 октября 1926 года. Она была очень популярна в этой стране из-за своей проамериканской позиции во время Первой мировой войны.] Ты бы видели газеты. Она живая, нарядная, спортивная королева и очень красивая, судя по ее фотографиям, хотя я ее не видела. С любовью.

В недатированном письме, написанном в этот период, миссис Бернштейн говорит о желании вложить в письмо Вулфу часть своего физического «я»: «Я думала уколоть палец и окрасить [письмо] каплей крови, или приколоть к нему мои волосы». В конце сентября 1930 года она отправила ему письмо, драматически запечатленное каплей ее собственной крови.

Алине Бернштейн

[Оксфорд]

Четверг, 28 октября 1926 года

Моя дорогая,

К сожалению, я собираюсь написать тебе не очень приятное письмо, что объясняет его краткость. Я пишу тебе это в своей гостиной в десять часов утра после завтрака. Вчера я получил твое письмо, в котором ты говоришь о своем облегчении по поводу моих телеграмм. Я с облегчением получил это письмо.

Я думал о том, чтобы успеть вернуться домой к Рождеству или к Новому Году. Книга выглядит следующим образом: сейчас я работаю над ней по пять-шесть часов каждый день – первые три книги я вижу ровными, как струна. Я постоянно размышляю над четвертой и последней – книга превращается в парящую фантазию о Путешествии, и я хочу вложить в нее все свои силы, всю свою страсть. Предисловие к этим четырем книгам я могу написать за десять дней.

Теперь я уверен, что смогу выложить на бумагу центральную часть к Рождеству – то есть первые три книги. Я также уверен, что не смогу к этому времени написать последнюю книгу. Но если три книги будут закончены, я знаю, что вся книга будет закончена, где бы я ни находился. Послушай, моя дорогая: вчера вечером я работал до полуночи – поздний час для меня сейчас – и написал более 2000 слов. Книга кипит жизнью, населена связями и управляется развивающимся и неумолимым единством.

Думаю, я останусь здесь до конца ноября: это прекрасный дом, расположенный за городом, в четверти мили от дороги, ведущей из Оксфорда в деревню Коули. «Был ночью ветра слышен ярый гул» [Уильям Вордсворт – Решительность и Независимость, перевод Александр Лукьянов]. Вечером после ужина я иду по Стигийской Аллее деревьев к дороге на Коули, выпиваю и закурываю в пабе, возвращаюсь и работаю. С тех пор как я приехал сюда, я был в городе ночью всего один раз – с англичанином, который последовал за мной, когда я рас-

хваливал это место, и который иногда заходит ко мне поест. Он развлекает меня историями о своих попытках соблазнения: вчера вечером он отвел девушку, первокурсницу одного из здешних колледжей, в комнату в пабе, напоил ее, соблазнил и привел обратно в колледж в одиннадцать три часа после того, как она должна была прийти. Это значит, что они должны предстать перед властями – она перед директором, он перед инспектором. С ним ничего не случится, разве что выпишут штраф в один фунт, а вот ее могут исключить. Есть что-то очень неприятное в англичанах, когда они делают такие вещи – помнишь, как в очень элегантных пьесах о прекрасной и потерянной Джессике, или Айрис, или Годиве кто-то тихо говорит, что знал ее в Монако, а кто-то другой в паузе говорит: «О, это!», и вы чувствуете, что сказано уже достаточно. Ну, я видел, как высшие классы дебоширили в Брюсселе: краснолицый пожилой мужчина с нелепым акцентом в голосе с женой полковника или кого-то в этом роде, с длинными белыми вялыми руками, испещренными синими полосками, и в небрежно-элегантном вечернем платье. Он рассказывал ей пошлые анекдоты, уклоняясь и намекая на финальную точку; через мгновение она рассмеялась и сказала: «Очень хорошо!» Боже, что за дела!

Я думаю, им нравится думать о себе так, как их показывают в этих пьесах – элегантными, остроумными, соблазнительными в высокой шляпе; неприятно думать о плохих зубах, больших ногах и руках. Эти будущие элганты, посещающие древнейший университет, получают свою неуклюжую практику на зеленых грязных девчонках.

Алине Бернштейн

[Оксфорд]

Понедельник, 1 ноября [1926 года]

Моя дорогая,

Вчера я был в Оксфорде две недели, а в этом доме 12 дней, и за это время успел проделать огромную работу[.] Моя жизнь течет с ужасающей точностью, сейчас я обедаю здесь, в два часа еду в город за почтой, брожу по книжным магазинам и прихожу обратно в четыре тридцать. Потом я больше никуда не выхожу, кроме как на прогулку после ужина и посещения паба. Ложусь спать в полночь или в 12:30.

Я пробуду здесь еще две-три недели. Первая книга будет закончена через день или два, третья, которая вдвое длиннее всех остальных, будет закончена через неделю. Вторую книгу я постараюсь написать в этом месяце.

Я получил твое письмо сегодня. Пожалуйста, передай Терри привет от меня. Она – настоящий человек, твой верный друг: как столько мягкости и мудрости уцелело в театре?

У меня начинает появляться доброе сердце ребенка. Я был развратным и неопытным парнем, но я верю, что всегда оставался человеком чести. Теперь этот режим, не только для моего тела, но и для моего духа, поднял меня на крепкую скалу. Я похож на человека, который в 20 лет мог бы сказать, что у Бога длинная седая борода, и над которым смеется тот, кто считает Юргена великой книгой [Роман Джеймса Бранча Кейбелла, который был широко известен в 1920-х годах]; он думает, что у Бога длинная седая борода, слишком утомлен, слишком равнодушен к [sic] далекому от них мнению, чтобы заботиться об объяснении или двусмысленности, и те же люди молчат, потому что их маленькие меченые умы находят то, что их озадачивает, и видят на нем знак. И потому я не стану объяснять даже тебе, что я понимаю под человеком чести.

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Воскресенье, 3 ноября 1926 года

Дорогой Том,

Сегодня воскресенье, около 12:30 ночи. Весь день я была в театре, днем репетировала, а весь вечер делала рисунки для шоу «Гильдия». Сегодня утром я зашла в офис «Вестерн Юнион», чтобы отправить тебе телеграмму, но снова вышла. Я слишком часто отправляю тебе телеграммы, ты устанешь от этого, и что тогда. Это большой соблазн – послать тебе такое срочное сообщение, и так здорово получить ответ. Письма остывают, я уверена, по дороге. Вчера у Агнес Морган был день рождения, вечером компания и сотрудники устроили для нее вечеринку. Это была скромная вечеринка, соответствующая случаю. Единственными людьми, не принадлежащими к ближайшему окружению драматурга, были мистер и миссис Эрнест Бойд [Эрнест Бойд был ирландским литературным критиком, наиболее известным по книге «Исследования десяти литератур» (Нью-Йорк, 1925). Его жена, Мадлен, должна была стать агентом Вулфа по продаже «Взгляни на дом свой, Ангел»] и молодая леди, имени которой я не запомнила.

Я очень подробно расспросил мистера Бойда о возможной работе для его умного молодого друга, который сейчас учится в Оксфорде. Он, похоже, считал, что кино – это единственное решение. По всей видимости, он зарабатывает на жизнь переводами и говорит, что это нищенское существование. По его словам, деньги приносит написание рассказов. Хороший рассказ принесет 500 долларов или больше. Я просто передаю тебе информацию. Я хочу, чтобы ты встретился с ним, как только вернешься, он в курсе всех дел литературного мира. Последние несколько дней казались невозможными, что вы вернетесь. Мысль о том, что мы можем увидеться, похожа на то, как иногда во время ночной прогулки ты смотришь на звезду, и по мере того, как ты идешь к ней, звезда кажется все дальше и дальше. Ты когда-нибудь так делал? Смотрела ли я на звезду? Я должна вывести себя из уныния. У меня здесь есть подруга, английская актриса Гертруда Кингстон. Она отплывает в субботу, я передаю ей небольшой пакет для тебя, чтобы она оставила его в «Америкэн Экспресс». Ты согласишься посылку на твое имя. Ничего особенного, просто будет приятно, если кто-то возьмет его на хранение. Мисс Кингстон – милая женщина. Ей уже немало лет. Раньше она была очень успешной актрисой, но, боюсь, сейчас ей приходится нелегко. Она очень выдающаяся. Я давно не получала от тебя писем, но, несомненно, ты пишешь все в книгу. Я легла спать, сейчас ночь вторника, или 2 часа ночи среды. Только что пришла с генеральной репетиции «Глиняной тележки», я устала до смерти. В актерском составе около 15 новых людей, ты бы видел, как они выглядели, у них бороды накладные, пальто застегнуты сзади, а не спереди, просто ужас, мы с Лиш закатили истерику на верхнем этаже. У меня так болят глаза от пристального взгляда и света, что я не смогу много писать. Надеюсь, что скоро получу письмо, оно так много для меня значит. Если завтра его не будет, я отправлю телеграмму. Единственное время, когда я не думаю о тебе, – это когда мне приходится выполнять очень сосредоточенную работу. Как только это заканчивается, я иду к тебе, разговариваю с тобой и живу в другом мире. Я часто произношу твое имя вслух и обнаруживаю, что на самом деле протягиваю к тебе руки. Сегодня я очень устала, мой рабочий день длился с 9:30 утра до 1:00 ночи, довольно длинный день, последние несколько дней надо мной висит облако депрессии. Если я смогу вырваться в субботу, то поеду с Лилиан в Вестпорт, возможно, деревня меня взбодрит. Но только одна вещь может подбодрить меня, это ты. Благослови тебя Господь, Том, дорогой, целую тебя на ночь. Я плачу, как раньше, когда ты говоришь мне ужасные вещи. Я люблю тебя, верна тебе навсегда.

В «Диббук» есть персонаж, которого называют плакальщицей – это я, очень похожа.

От Алины Бернштейн

[Нью-Йорк]

Четверг, 4 ноября [1926 года]

Дорогой Том,

Я не совсем поняла телеграмму, которую получила от тебя сегодня, в ней, среди прочего, говорилось: «Континент Декабрь», означает ли это, что ты верен себе и вернешься в декабре, или это означает, что ты отправляешься на европейский континент в декабре. Такое общение очень сложно. Сегодня утром я отправила тебе письмо. Бог знает, что ты из него сделаешь, но я постаралась сделать все возможное, чтобы простым языком попросить тебя вернуться. Конечно, самое печальное, что тебе недостаточно заботы, чтобы вернуться. Я сразу же вышла и ответила на твое письмо, думая, что оно означает то, что ты возвращаешься домой, а потом, перечитав его, обнаружила, что, возможно, ошиблась, ты говорил, что хочешь провести месяц в Оксфорде и две недели в Германии. Я прожила в счастье около получаса. Думаю, тебе нужно снова быть рядом со мной. Твое письмо дикое и нервное, я хочу быть с тобой и сделать тебя счастливым. Ты, конечно, должен знать, как велика моя любовь к тебе, как глубока и сильна моя привязанность. В последнем письме ты написал мне несколько горьких слов, и если бы я не знала так хорошо твой разум, я бы рассердилась. И вот я здесь, чувствительная к каждому слову, которое ты мне посылаешь. Я веду с тобой столько разговоров в течение дня. Ты сказал в своем письме, что я никогда ничего не бросала ради тебя, что это такое, ты же знаешь, я не видела своих друзей в прошлом году. Что именно ты имеешь в виду, я не знаю. В мире нет ничего, от чего бы я ни отказалась, чтобы быть с тобой. Неужели ты думаешь, что меня здесь что-то волнует? Меня больше не интересует даже моя работа, которая кормила меня последние несколько лет. Впервые в жизни работа не доставляет мне удовольствия. Это рутина, я с трудом справляюсь с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.